

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Джеффри

ДИВЕР

СПЯЩАЯ
КУКЛА

Пытаться представить, чем закончится эта книга, —
напрасный труд. Дивер всегда оставляет читателя
в полном изумлении.

Bookreporter.com

Звезды мирового детектива

Джеффри Дивер

Спящая кукла

«Азбука-Аттикус»

2007

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Дивер Д.

Спящая кукла / Д. Дивер — «Азбука-Аттикус», 2007 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-15981-5

Дэниел Пелл, осужденный на пожизненный срок за жестокое убийство, совершает дерзкий побег из камеры. Поисками преступника занимается Кэтрин Дэнс, опытный полицейский психолог, специалист по кинесике – языку тела. Ей доводилось допрашивать Пелла, и она знает, что имеет дело с чрезвычайно опасным маньяком. Пелл, в прошлом главарь секты, уверен в своих сверхспособностях, он сам отличный психолог и безжалостный манипулятор. И ему нравится убивать. Он словно берет реванш за годы, проведенные в заключении, а благодаря своему уму и изворотливости всегда опережает преследователей-полицейских на полшага. Противостояние Дэнс и Пелла напоминает шахматную партию равных по силе противников. Но, в отличие от шахмат, развязка будет неожиданной для победителя и смертельной для побежденного...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-15981-5

© Дивер Д., 2007

© Азбука-Аттикус, 2007

Содержание

Понедельник	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	42
Глава 10	46
Глава 11	52
Глава 12	61
Глава 13	69
Глава 14	74
Глава 15	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Джеффри Дивер

Спящая кукла

Jeffery Deaver
THE SLEEPING DOLL

© С. Минкин, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается агенту ФБР

*...После перемен, которые происходят после перемен, мы остаемся
более или менее теми же.*

Пол Саймон. Песня «Боксер»

13 сентября 1999 года

Сын Мэнсона признан виновным в деле об убийстве семейства Кройтон

Салинас, Калифорния. Дэниел Реймонд Пелл, 35 лет, после всего лишь пятичасового совещания был сегодня признан виновным судом присяжных округа Монтерей по четырем пунктам обвинения в преднамеренном убийстве первой степени и по одному пункту обвинения в непредумышленном убийстве.

«Справедливость восторжествовала, – заявил репортерам главный обвинитель на процессе Джеймс Л. Рейнольдс после того, как был зачитан приговор. – Речь идет о чрезвычайно опасном преступнике, совершившем невероятные по своей жестокости злодеяния».

Пелл прославился как Сын Мэнсона из-за сходства его биографии с биографией известного убийцы Чарльза Мэнсона, осужденного в 1969 году по обвинению в ритуальном убийстве актрисы Шэрон Тейт и еще нескольких человек в Южной Калифорнии. После ареста Пелла полиция обнаружила у него дома множество книг и статей о Мэнсоне.

Пелл обвинялся в умышленном убийстве Уильяма Кройтона, его жены и двух из их троих детей, совершенном в Кармеле, Калифорния, местечке, расположенном в 120 милях к югу от Сан-Франциско, а также в непредумышленном убийстве Джеймса Ньюберга, 24 лет, жившего вместе с Пеллом и сопровождавшего его в дом Кройтонов в ночь преступления. Прокурор настаивал на том, что Ньюберг первоначально соглашался участвовать в преступлениях, но потом передумал, за что и был убит Пеллом.

Кройтон, 56 лет, был успешным инженером и разработчиком новейшего программного обеспечения. Его компания, базирующаяся в Купертино, Калифорния, в самом сердце Силиконовой долины, производит самое современное программное обеспечение, используемое в настоящее время в большинстве персональных компьютеров.

Из-за известного интереса, который Пелл проявлял к Мэнсону, возникло мнение, что у его преступлений, так же как и у преступлений самого Мэнсона, имеется некая идеологическая подоплека. Однако, по мнению Рейнольдса, главным мотивом убийств, скорее всего, было ограбление. Пелл и прежде привлекался к суду по обвинению в магазинных кражах и других видах воровства. Преступную деятельность Пелл начал, еще будучи подростком.

Девятилетней Терезе удалось выжить. Пелл не заметил девочку, спавшую в своей кровати под грудой игрушек. По этой причине она стала известна как Спящая кукла.

Подобно Чарльзу Мэнсону, преступнику, которым он восхищался, Пелл обладал своеобразной темной харизмой и сумел создать вокруг себя группу преданных и фанатичных последователей, которых называл «семьей» – название Пелл позаимствовал у клана Мэнсона – и над которыми обладал абсолютной властью. На момент убийства Кройтонов упомянутая группа, в которую входили Ньюберг и еще три женщины, проживала в убогом домике в Сисайде, к северу от Монтерейя, Калифорния. Членами группы были Ребекка Шеффилд, 26 лет, Линда Уитфилд, 20 лет, и Саманта Маккой, 19 лет. Уитфилд является дочерью Лаймана Уитфилда, президента и главного исполнительного директора банка «Санта-Клара» с центром в Купертино – четвертого по значимости банка штата.

Женщин признали невиновными в убийстве семейства Кройтон и Ньюберга, но им были предъявлены обвинения в воровстве, причинении вреда имуществу, подлоге и укрывательстве краденого. А Уитфилд, кроме того, еще и обвинения в препятствии следствию, лжесвидетельстве и уничтожении улики. В результате сделки о признании вины Шеффилд и Маккой были приговорены к трем годам тюремного заключения, Уитфилд – к четырем с половиной.

Поведение Пелла на суде также очень напоминало поведение Чарльза Мэнсона. Он неподвижно сидел за столом рядом с защитником и пристально смотрел на присяжных и свидетелей с явным намерением запугать их. Имеются сообщения о том, что, по его собственному мнению, Пелл обладает экстрасенсорными способностями. Обвиняемого пришлось удалить из зала судебных заседаний после того, как один из свидетелей не выдержал его пристального взгляда.

Присяжные выскажут свои предложения по поводу приговора уже завтра. Пеллу грозит смертная казнь.

Понедельник

Глава 1

Допрос начинался как обычно.

Кэтрин Дэнс вошла в специально предназначенную для этого комнату, и сидевший за металлическим столом сороклетний мужчина в наручниках поднял на нее внимательный взгляд. Все они всегда смотрят на нее с испытующей пристальностью, однако ни у кого прежде Кэтрин не видела таких удивительных глаз.

Голубые, но цвет их нельзя было сравнить ни с небесной голубицей, ни с океанскими волнами, ни с бирюзой.

– Доброе утро, – сказала Кэтрин, садясь напротив.

– И вам того же, – откликнулся Дэниел Пелл, тот самый, что восемь лет назад зарезал четверых ни в чем не повинных людей и так и не раскрыл мотивы, двигавшие им в тот момент.

Голос у Пелла был тихий и приятный. На бородатом лице блуждала едва заметная улыбка. Невысокий, жилистый убийца откинулся на спинку стула, расслабился, наклонил набок голову с копной длинных черных с проседью волос. Большинство допросов сопровождаются специфическим саундтреком – позвякиванием кандалов: заключенные пытаются подтвердить свою невиновность вполне предсказуемыми телодвижениями. Дэниел Пелл сидел совершенно неподвижно.

Дэнс, специалист в психологии допроса и кинесике – языке тела, – истолковала поведение Пелла и его позу как проявление настороженности, но также уверенности в себе и, как ни странно, некоторого изумления. На Пелле была оранжевая роба с надписью «Исправительное учреждение „Капитола“» на груди и совершенно излишним словом «Заключенный» на спине. Но в данный момент Пелл и Дэнс находились не в «Капитоле», а в особом помещении для допросов в здании окружного суда в Салинасе, примерно в сорока милях от «Капитолы».

Пелл продолжал изучать собеседницу. Прежде всего он оценил глаза Дэнс, зеленые, словно в пике его голубым, в обрамлении черной оправы квадратных очков. Затем взгляд перешел на светло-каштановые волосы, заплетенные в короткие косички, а от них на черный пиджак и непрозрачную белую блузку. Не ускользнула от него и пустая кобура на бедре. Пелл был предельно скрупулезен и нетороплив.

Ведущих допрос и допрашиваемых отличает общее любопытство. На семинарах по технологии допроса Дэнс говорила студентам: «Они изучают вас с не меньшим интересом, чем вы их, а, как правило, даже с большим, так как в случае проигрыша теряют значительно больше, чем вы».

Дэнс рылась в сумочке в поисках удостоверения, стараясь не обращать внимания на игрушечную летучую мышь, подарок с прошлого Хеллоуина, которую либо двенадцатилетний Уэс, либо его младшая сестренка, либо оба заговорщика сунули ей сегодня утром в сумку в качестве розыгрыша. «Какими же контрастами полна жизнь!» – подумала Дэнс. Всего час назад она завтракала с детьми у себя на кухне в уютном викторианском доме, расположенном в идиллическом Пасифик-Гроув, у их ног разлеглись два громадных пса в ожидании мясных подачек, и вот теперь она сидит совсем за другим столом напротив человека, осужденного за зверское убийство.

Наконец Кэтрин нашла удостоверение и продемонстрировала его Пеллу. Тот довольно долго рассматривал его, подавшись вперед.

– Дэнс. Интересное имя. Откуда оно могло произойти? И Калифорнийское бюро... Кстати, что за бюро?

– Бюро расследований. Почти то же, что и ФБР. Только в масштабах штата. Теперь, мистер Пелл, я должна задать вам вопрос. Известно ли вам, что наш разговор будет записываться на видеопленку?

Он бросил взгляд на зеркало, за которым раздавалось едва слышное жужжание видеокамеры:

– Думаете, мы считаем, что они висят тут для нашего удовольствия?

Впрочем, Пелл ошибался. Зеркала вешают и ставят в комнатах для допросов совсем не для того, чтобы скрывать видеокамеры и свидетелей – для этого существуют гораздо более современные способы, – а просто потому, что психологам хорошо известно: люди гораздо меньше склонны лгать, если видят свое отражение.

Дэнс едва заметно улыбнулась:

– И вы, конечно, знаете, что можете прекратить нашу беседу в любой момент, когда пожелаете, и имеете право прибегнуть к услугам адвоката.

– У меня больше знаний об уголовном процессе, чем у всего выпускного курса Юридической академии в Гастингсе, вместе взятого.

Он грамотнее, чем она предполагала. И по-видимому, умнее.

На прошлой неделе Дэниел Реймонд Пелл, отбывающий пожизненный срок за убийство Уильяма Кройтона, его жены и их двоих детей, совершенное в 1999 году, попытался подкупить заключенного, пребывание которого в «Капитоле» подходило к концу, чтобы тот, выйдя на свободу, выполнил некое поручение. Пелл сообщил ему о каких-то уликах, которые он спрятал много лет назад в салинасском колодце, – мол, если их найдут, то его могут изобличить как убийцу одного богатого фермера. В свое время преступление осталось нераскрытым. До Пелла дошли сведения, что в Салинасе проводится перестройка водопровода. Он, конечно, сразу же вспомнил о забытом преступлении и попросил выходящего на свободу товарища найти и уничтожить улики.

Однако Пелл ошибся в выборе. Заключенный, которому он доверился, поделился полученной информацией с тюремным надзирателем, а тот сообщил все в Управление шерифа округа Монтерей. У следователей возник вопрос: о каком убийстве вел речь Пелл? Возможно, о нераскрытом убийстве фермера Роберта Херрона, забитого насмерть десять лет назад. Орудие убийства, по всей вероятности молоток-гвоздодер, так и не было найдено. По поручению шерифа специальная группа обыскала все колодцы в той части городка. И, как следовало ожидать, они обнаружили рваную майку, молоток-гвоздодер и пустой бумажник с инициалами «Р. Х.». Отпечатки пальцев на молотке принадлежали Дэниелу Пеллу.

Прокурор округа Монтерей решил представить дело большому жюри присяжных в Салинасе и попросил агента Калифорнийского бюро расследований Кэтрин Дэнс провести допрос Пелла, рассчитывая добиться от него чистосердечного признания вины.

Дэнс приступила к допросу:

– Сколько времени вы прожили в Монтерее?

Казалось, Пелла удивило, что она не начала сразу же его запугивать.

– Несколько лет.

– И где конкретно?

– В Сисайде.

Так назывался городок с тридцатью тысячами жителей, расположенный к северу от Монтерей по шоссе № 1 и населенный в основном молодыми семьями рабочих и пенсионерами.

– Там можно приобрести больше вещей на свои кровно заработанные, – пояснил Пелл. – Больше, чем в вашем шикарном Кармеле.

У него правильная и четкая речь, отметила про себя Дэнс, не обратив внимания на намек.

Кэтрин продолжала расспрашивать Пелла о жизни в Сисайде и в тюрьме, внимательно наблюдая за реакцией на вопросы. Конечно, ей не нужна была эта информация – она хорошо

подготовилась к допросу и заранее знала все ответы. Просто необходимо было установить его исходный поведенческий уровень.

Чтобы определить ложь, следует учитывать три основных фактора: невербальное поведение (язык телодвижений, или кинесика), речевые характеристики (колебания высоты и тембра голоса) и вербальное содержание речи (слова подозреваемого). Первые два из упомянутых факторов – гораздо более надежные индикаторы лжи, так как нам гораздо легче контролировать то, *что* мы говорим, нежели то, *как* мы это говорим, и наши телесные реакции на собственные слова.

Исходный поведенческий уровень представляет собой своеобразный каталог реакций, демонстрируемых допрашиваемым, когда он говорит правду, и служит определенным стандартом, с которым следователь сравнивает поведение допрашиваемого в той ситуации, когда у того появляется повод для лжи. Если следователь замечает отличие в поведении от исходного уровня, у него появляется основание заподозрить обман.

В конце концов Дэнс достаточно четко уяснила, как ведет себя Дэниел Пелл, когда говорит правду, и перешла к основной части своей миссии, ради которой сегодняшним туманным июньским утром она и пришла в это современное, сияющее больничной чистотой здание окружного суда.

– Мне бы хотелось задать вам несколько вопросов о Роберте Херроне.

Стремительный взгляд в упор, тут же сосредотачивающийся на ожерелье из раковин морского ушка, которое мать Кэтрин сделала сама. Затем взгляд медленно переходит на короткие розовые, идеально отполированные ногти Дэнс. Серое колечко с жемчужиной у нее на пальце удостоилось особого внимания.

– Как вы познакомились с Херроном?

– Вы уверены, что я был с ним знаком? Увы, я ни разу с ним не встречался. Могу поклясться.

Последнее предложение – явное свидетельство лжи, хотя язык тела не дает никаких поводов заподозрить обман.

– Вы ведь сами попросили заключенного в «Капитоле» отправиться к колодцу и достать оттуда молоток и бумажник.

– Нет, вы просто повторяете то, что он сказал надзирателю. – Пелл вновь улыбнулся. – Почему бы вам не поговорить об этом с ним самим? У вас пронизывающий взгляд, офицер Дэнс. Я заметил, как вы смотрите на меня, чтобы убедиться, не лгу ли я.

Дэнс никак не отреагировала на его слова, но отметила для себя, что столкнулась с весьма редким случаем, когда допрашиваемый понимает, что подвергается кинесическому анализу.

– В таком случае откуда же ему было известно о вещах, найденных в колодце?

– О, это для меня давно не загадка. Кто-то стянул у меня молоток, прикончил им Херрона, а затем подбросил его так, чтобы повесить убийство на меня. Работал в перчатках. В таких резиновых, знаете, их можно увидеть в телесериалах про криминалистов.

Он все еще совершенно расслаблен. Язык телодвижений принципиально не отличается от исходного. В поведении пользуется только банальными символическими жестами, заменяющими слова: пожатие плечами, самые обычные манипуляции пальцами. Никаких явных указаний на напряжение или на другие сильные эмоции.

– Если он действительно хотел так поступить, – возразила Дэнс, – разве не логичнее было бы просто позвонить в полицию и сообщить, где находится молоток? Зачем ждать больше десяти лет?

– Убийца попался хитрый. Всегда лучше подождать. И в нужный момент захлопнуть ловушку.

– Но зачем же настоящему убийце связываться с заключенным в «Капитоле»? Ведь проще позвонить в полицию?

Пауза. Затем смех. Голубые глаза Пелла сверкают волнением. И совершенно искренним притом.

– Да потому что *они* тоже замешаны. Ваши из полиции. Наверняка... Копы знают, что дело Херрона не раскрыто, и им нужно на кого-то его повесить. Почему бы и не на меня? Они ж меня уже засадили в тюрьму. Да могу поклясться, что копы сами же и подбросили молоток.

– Ну что ж, давайте обсудим вашу версию. Собственно, вы выдвинули два совершенно разных утверждения. Первая версия: кто-то похитил ваш молоток еще до убийства Херрона, убил его этим молотком и вот теперь по прошествии довольно длительного времени пытается вас подставить. Но, по вашей второй версии, полиция заполучила молоток уже после убийства Херрона, совершенного кем-то неизвестным, и подбросила его в колодец, чтобы повесить на вас вину в преступлении. Оба утверждения противоречат друг другу. Верно либо одно, либо другое. Какое же, по вашему мнению?

– Гм... – Пелл на несколько мгновений задумался. – Ладно, остановимся на номере два. На полиции. Все подстроено полицией, я уверен.

Кэтрин взглянула ему прямо в глаза и как будто сочувственно кивнула:

– Хорошо. Давайте рассмотрим версию номер два. Где полицейские могли найти молоток?

Он снова задумался.

– Они нашли его, когда арестовывали меня по тому делу в Кармеле.

– Убийство Кройтонов в девяносто девятом?

– Да. Среди тех улик, которые забрали из моего дома в Сисайде.

Дэнс нахмурилась:

– Сомневаюсь. Вещественные доказательства преступления очень строго регистрируются. Нет, я предпочла бы более правдоподобный сценарий: молоток украден совсем недавно. У вас есть какая-нибудь недвижимость на территории штата?

– Нет.

– А родственники или друзья, у которых могли оставаться какие-то ваши вещи?

– Не думаю.

Странная реакция на вопрос, подразумевавший ответ «да» или «нет». Даже еще более скользкая, нежели «Не припомню». Дэнс также заметила, что Пелл при слове «родственники» положил руки с длинными чистыми ногтями на стол. Первое явное отклонение от исходного поведенческого уровня. Вовсе не обязательно признак лжи, но совершенно очевидный признак стресса. Вопросы начали нервировать его.

– Дэниел, у вас есть родственники в Калифорнии?

Мгновение Пелл колебался, должно быть понял, что с ней необходимо обдумывать каждую свою фразу, – в чем и не ошибся, – и наконец ответил:

– У меня осталась только тетка. В Бейкерсфилде.

– Ее фамилия тоже Пелл?

Снова пауза.

– Да-а... У вас замечательная логика, офицер Дэнс. Могу поклясться, те, кто сделал ставку на убийство Херрона, украли молоток именно из ее дома, а затем подбросили его. Вот они-то как раз за всем этим и стоят. Почему бы вам с ними не побеседовать?

– Хорошо. А теперь давайте перейдем к бумажнику. Откуда он попал в колодец?.. А что, если он вовсе и не принадлежал Роберту Херрону? Что, если те же самые продажные копы, о которых мы ведем речь, просто купили бумажник, нанесли на него инициалы «Р. Х.», а затем вместе с молотком спрятали в колодец? Сказанное могло произойти месяц назад. Или даже неделю назад. Ну, каково ваше мнение, Дэниел?

Пелл опустил голову – Кэтрин не видела его глаз – и промолчал.

Все шло по ее плану.

Дэнс заставила преступника принять наиболее правдоподобный вариант алиби, а затем обосновала его полную неправдоподобность. Ни один присяжный в здравом уме не поверит, чтобы полицейские стали фабриковать улики и воровать инструменты из дома, расположенного на расстоянии нескольких сотен миль от места преступления. И вот теперь до Пелла доходит суть ошибки, которую он совершил. Сейчас ловушка захлопнется.

Шах и мат...

Сердце Кэтрин учащенно забилось, и она подумала, что следующими словами Пелла может стать согласие на сделку о признании вины.

Она ошибалась.

Его глаза широко раскрылись и пронзили Кэтрин взглядом, наполненным необычайно откровенной злобой. Пелл рванулся вперед, насколько позволяли оковы. И только кандалы, которыми он был прикован к металлическому стулу, привинченному специальными болтами к кафельному полу, не позволили ему вонзить в нее зубы.

В ужасе Кэтрин отшатнулась.

– Чертова сучка! О, теперь я все понял. Ты тоже в этом замешана! Да, да, все валите на Дэниела. Во всем виноват только он! Он один! Со мной ведь так легко расправиться. Приходишь сюда, притворяешься такой милой, такой доброй, задаешь мне простенькие вопросы. О господи, а сама такая же, как они все!

Сердце у Кэтрин бешено колотилось, она на самом деле испугалась. Однако успела отметить для себя, что оковы надежны, и убийца не сможет дотянуться до нее. Кэтрин повернулась к зеркалу, за которым полицейский, управлявший съемкой на видео, уже наверняка вскочил на ноги, чтобы прийти ей на помощь. Тем не менее она отрицательно качнула головой. Важно понять, что задумал Пелл.

Внезапно его ярость сменилась холодным спокойствием. Пелл откинулся на спинку стула, отдышался и снова устремил на нее пристальный взгляд.

– Вам уже за тридцать, офицер Дэнс. И я бы даже назвал вас хорошенькой. Готов биться об заклад, что у вас есть мужчина. Или был. – Третий взгляд – на кольцо с жемчужиной.

– Ну, если вам так не понравилась моя теория, Дэниел, давайте попробуем еще одну. Относительно того, что на самом деле случилось с Робертом Херроном.

Он не обратил на ее слова ни малейшего внимания.

– У вас ведь есть дети, правда? Наверняка есть. Я же вижу. Расскажите-ка мне о них. Расскажите о малышах. Могу поспорить, между ними не очень большая разница в возрасте.

Кэтрин вдруг сделалось страшно, и она вспомнила Мегги и Уэса. Однако попыталась внешне никак не проявить чувств. «Ему не может быть известно, что у меня есть дети. Не может! Тем не менее он ведет себя так, словно прекрасно это знает. Возможно, в моем поведении было что-то такое, за что он смог зацепиться? Свидетельство того, что я мать».

Они изучают вас с не меньшим интересом, чем вы их...

– Послушайте, Дэниел, – произнесла Кэтрин спокойным тоном, – подобные вспышки ярости не помогут нам вести беседу.

– У меня есть друзья на свободе, знаете ли. И они у меня в долгу. Они бы с удовольствием наведались к вам. Пообщались бы с вашим муженьком и детишками. Да, вижу, тяжело быть полицейским. Малышам приходится подолгу оставаться одним. Ведь так? Им нужны друзья для игр.

Дэнс ответила ему прямым спокойным взглядом:

– Не могли бы вы рассказать мне о ваших отношениях с тем заключенным в «Капитоле»?

– Да, конечно мог бы. Но не стану. – Своими словами, лишенными всяких эмоций, он словно высмеивал Кэтрин, намекая на то, что для профессионального следователя она слишком небрежно формулирует вопросы. Тихим голосом Пелл добавил: – Пора бы мне вернуться в камеру.

Глава 2

Алонсо Сандовал по прозвищу Сэнди, прокурор округа Монтерей, был красивым дородным мужчиной с густой шевелюрой черных волос и шикарными усами. Он сидел в своем кабинете, двумя лестничными пролетами выше камеры временного содержания, за столом, загруженным бумагами.

– Привет, Кэтрин. Ну как наш парнишка? Бил ли он себя в грудь, кричал ли: «*Mea culpa*»?¹

– Не совсем. – Дэнс села и устала на чашку кофе, которую оставила на столе сорок пять минут назад. На черной поверхности напитка собрался молочный порошок. – Видимо, придется отнести сегодняшний допрос к числу самых неудачных за всю мою карьеру.

– У тебя еще тот видок, босс, как будто тебя сильно тряханули, – заметил невысокий жилистый молодой человек с веснушками, рассыпанными по всему лицу, и курчавыми рыжими волосами.

В джинсах, майке и спортивной куртке в клетку Ти-Джей ничем не напоминал следователей, работавших в Калифорнийском бюро расследований – самом консервативном правоохранительном учреждении штата. Впрочем, в Ти-Джее практически все было исключением. Ти-Джей Скэнлон, холостяк в свои почти тридцать, жил на холмах Кармел-Вэлли, и дом его представлял собой странную развалюшку, которую можно было бы принять за диораму в музее контркультуры, посвященную Калифорнии шестидесятых. Ти-Джей имел склонность работать в одиночку, в отличие от большинства других сотрудников КБР, действующих, как правило, в паре. Однако в данный момент постоянный коллега Дэнс находился в Мексике по делу об экстрадиции, и Ти-Джей не преминул воспользоваться шансом, чтобы помочь ей, а заодно познакомиться со знаменитым Сыном Мэнсона.

– Не тряханули, а просто удивили. – Она рассказала им, как шел допрос до того момента, когда Пелл вдруг бросился на нее. В конце концов под скептическим взглядом Ти-Джея Кэтрин не выдержала: – Ладно, ты прав, он меня действительно немного тряханул. Конечно, мне и раньше угрожали. Но его угрозы были значительно страшнее.

– Значительно страшнее? – переспросил Хуан Миллер, высокий смуглый молодой детектив из следственного отдела УШОМ – Управления шерифа округа Монтерей, располагавшегося неподалеку от здания окружного суда.

– Да, потому что это были очень спокойные угрозы, – ответила Дэнс.

– Радостные угрозы, – вмешался Ти-Джей. – Всегда понимаешь, что ты делаешь что-то не так, когда они перестают орать и начинают говорить шепотом.

Мальшам приходится подолгу оставаться одним.

– И что же случилось? – спросил Сандовал, которого больше занимало продвижение расследования, нежели угрозы в адрес Кэтрин.

– Когда он стал отрицать факт знакомства с Херроном, я не заметила никаких признаков стрессовой реакции. И только когда я завела его насчет заговора полиции, Пелл начал демонстрировать подчеркнута негативные эмоции. Ну и телодвижения, отличные от исходного уровня.

Кэтрин Дэнс часто называли детектором лжи в женском теле, но эта квалификация не совсем точна. На самом деле она так же, как и многие успешные специалисты в кинесике и следователи, была детектором *стресса*. А стрессовая реакция – главный признак лжи. Как только Кэтрин замечала стрессовые характеристики у допрашиваемого, она начинала копать до тех пор, пока допрашиваемый не сдавался.

¹ «Моя вина» (лат.).

Эксперты по кинесике выделяют несколько различных типов стрессовых реакций. Некоторые из них возникают, когда человек говорит не всю правду. Дэнс называла этот тип «стрессом обмана». Но часто люди испытывают общий стресс, возникающий в основном тогда, когда они чувствуют себя неуверенно и нервничают, и он не имеет никакого отношения ко лжи. Подобный стресс сходен с тем, который мы все ощущаем, когда опаздываем на работу, или когда нам нужно выступить перед большой аудиторией, или же когда нам угрожает физическая опасность. Кэтрин обнаружила, что о названных двух типах стресса свидетельствуют разные типы кинесического поведения.

Она добавила:

– У меня возникло ощущение, что Пелл утратил контроль над беседой и не мог его вернуть. И потому вышел из себя.

– Даже несмотря на то, что твои слова поддерживали его вариант защиты? – Долговязый Хуан Миллер рассеянно почесал левую руку. Между указательным и большим пальцем у него остался шрам – остаток удаленной бандитской татуировки.

– Именно.

И вот тогда-то воображение Кэтрин совершило один из привычных для нее неожиданных бросков. От «А» к «В» и от него к «Х». Она не могла объяснить, почему они происходили, но всегда умело их использовала.

– А кстати, где убили Роберта Херрона? – Кэтрин подошла к карте округа Монтерей на стене кабинета Сандовала.

– Вот здесь. – Прокурор ткнул пальцем в участок внутри желтой трапеции.

– И там же расположен колодец, в котором обнаружили молоток и бумажник?

– Да, примерно там.

Колодец находился в четверти мили от места преступления, в жилом районе.

Дэнс пристально смотрела на карту и чувствовала, что Ти-Джей также пристально смотрит на нее.

– Что случилось, босс?

– У вас есть фотография колодца?

Сандовал порылся в папке:

– Эксперты Хуана сделали много снимков.

– Криминалисты-душки любят свои игрушки, – заметил Миллер, и в устах такого «бойскаута» рифмовка прозвучала довольно странно. Он смущенно улыбнулся. – Просто подцепил где-то.

Прокурор достал стопку цветных фотографий, перелистал их и нашел те, что нужно.

Взглянув на фото, Дэнс спросила Ти-Джея:

– Мы ведь вели там одно дело шесть или восемь месяцев назад, помнишь?

– Да, конечно, о поджоге. В районе новой застройки.

Постучав пальцем по тому месту на карте, где расположен колодец, Кэтрин продолжала:

– Там до сих пор ведется строительство. А здесь у нас, – она кивнула на снимок, – колодец, вырубленный в каменистой почве.

Всем было хорошо известно, что вода в этой части Калифорнии так высоко ценится, что колодцы в твердой породе, с низкой производительностью и ненадежные, никогда не используются в сельском хозяйстве для орошения, а только для бытовых нужд.

– Черт! – Сандовал на мгновение прикрыл глаза. – Десять лет назад, когда убили Херрона, там повсюду была возделанная земля. И конечно же и в помине не было колодца.

– Его не было там еще год назад, – пробормотала Кэтрин. – Вот что так взбесило Пелла. И я оказалась очень близка к истине: кто-то действительно украл молоток у его тетки в Бейкерсфилде, подделал бумажник и совсем недавно подложил все это в новый колодец. Но вовсе не для того, чтобы повесить на Пелла преступление.

- Да уж... – едва слышно пробормотал Ти-Джей.
 - Что? – растерянно переспросил Миллер, переводя взгляд с одного агента на другого.
 - Пелл сам все подстроил, – ответила Кэтрин.
 - Зачем? – спросил Сандовал.
 - Потому что не мог сбежать из «Капитолы». – Данное исправительное учреждение, подобно «Пеликан-Бей» на севере штата, представляло собой самую современную супер-тюрьму. – А вот отсюда сбежать ему не составило бы никакого труда.
- Кэтрин Дэнс рывком сняла телефонную трубку.

Глава 3

Сидя в одиночке, Дэниел Пелл внимательно изучал свою камеру и коридор за ней, ведущий во двор тюрьмы. Внешне Пелл сохранял абсолютное спокойствие, но в душе пребывал в сильнейшем волнении. Зеленоглазая женщина-полицейский в очках сумела не на шутку напугать его невозмутимым взглядом и твердым, уверенным голосом. Он никак не ожидал, что кто-то сможет проникнуть в его мысли так глубоко и так быстро. На самом деле Пеллу показалось, что она их просто прочла.

Кэтрин Дэнс...

Пелл повернулся к Бакстеру, охраннику, стоявшему у дверей его камеры. Нормальный надзирала, не то что тот, который сопровождал его из «Капитолы», черный громила, твердый, словно эбеновое дерево. Сидит молча у выхода и глаз не сводит с подопечного.

– Как я и говорил, – продолжил Пелл беседу с Бакстером, – Иисус мне помог. А я тогда выкуривал по три пачки в день. И Он нашел время, чтобы мне помочь, хотя бывает ох как занят. Таким, как мы, это хорошо известно. И вот с Его помощью я бросил, так, словно никогда и не начинал.

– Да уж, от такой помощи и я бы не отказался, – признался надзиратель.

– Можешь мне не верить, – продолжал Пелл, – но завязать с куревом было труднее, чем с выпивкой.

– Я пробовал, знаешь, такую штуку, что наклеивают на руку. Не помогло. Может быть, мне стоит помолиться завтра и попросить Господа о помощи. Мы ведь с женой каждое утро молимся.

Пелла это не удивило. Он уже обратил внимание на значок на отвороте куртки охранника. В форме рыбы.

– Очень достойное занятие.

– На прошлой неделе я потерял ключи от машины, и мы с женой молились целый час. И Иисус подсказал мне, где они лежат. Знаешь что, Дэниел, у меня появилась идея. Ты будешь здесь все дни слушания дела. Если хочешь, мы можем молиться вместе.

– Твое предложение – большая честь для меня.

Зазвонил телефон Бакстера, а мгновение спустя раздался оглушительный звук сирены.

– Что за чертовщина?

Охранник из «Капитолы» вскочил на ноги.

На автомобильной стоянке вырос огромный огненный шар. Зарешеченное окно в камере было открыто, в него влетел снап огня. Помещение заполнил грязный черный дым. Пелл упал на пол. Свернулся калачиком.

– О господи!..

Бакстер застыл от ужаса и как зачарованный уставился на языки пламени, охватившие всю стоянку за зданием суда. Схватился за телефон, но связи не было. Тогда охранник сорвал с пояса рацию и, захлебываясь, сообщил о происшедшем.

Пелл встал на колени и начал читать «Отче наш».

– Эй, Пелл!

Заклученный открыл глаза.

Громадный охранник из «Капитолы» стоял напротив с «тазером» в руках. Он швырнул Пеллу ножные кандалы:

– Надевай. Мы пойдем по коридору через главный вход и сядем в машину. Ты...

Взорвался бензобак еще одной машины, и несколько языков пламени влетели в камеру. Все непроизвольно скорчились.

– ...будешь сидеть рядом со мной. Понял?

– Да, конечно. Пойдемте! Пожалуйста! – Пелл поспешно нацепил на себя кандалы и надежно закрепил их.

Срывающимся голосом, весь в поту от страха, Бакстер произнес:

– Как ты думаешь, что это? Террористы?

Охранник из «Капитолы» не обратил ни малейшего внимания на запаниковавшего надзирателя, он не сводил взгляда с Пелла.

– Если не сделаешь в точности то, что я тебе сказал, получишь пятьдесят тысяч вольт в задницу. – Он направил «тазер» на заключенного. – Если тебе неудобно так идти, я могу оставить тебя здесь, чтобы сгорел заживо. Понял?

– Да, сэр. Пойдемте. Пожалуйста. Мне очень не хотелось бы, чтобы из-за меня пострадали вы или мистер Бакстер. Я сделаю все, что вы прикажете.

– Открывай! – рявкнул охранник Бакстеру, который тут же нажал кнопку.

С тихим жужжанием дверь открылась. Они пошли по коридору, миновали еще одну дверь, вышли в другой, полностью задымленный коридор. Со всех сторон раздавалось завывание сирен.

«Но постойте, – опешил Пелл. – Это же вторая сирена». Первая прозвучала до взрывов. Неужели кому-то удалось вычислить, что он задумал?

Кэтрин Дэнс...

Когда они покидали здание через пожарный выход, Пелл оглянулся. Все вокруг густой пеленой застилал дым.

– Нет, слишком поздно! – крикнул он Бакстеру. – Сейчас все здание взлетит на воздух! Давай выбираться отсюда.

– Он прав. – Бакстер потянулся к засову на двери.

Охранник из «Капитолы» абсолютно спокойно и твердо произнес:

– Нет! Через главный выход в тюремный фургон.

– Ты спятил! – рявкнул Пелл. – Ради всего святого! Ради Господа нашего! Мы же тут содохнем!

Он распахнул дверь пожарного выхода.

Их обдало волной сильнейшего жара, дыма и искр. А снаружи стена огня пожирала автомобили, кусты и мусорные урны. Пелл упал на колени, закрыв лицо руками.

– Глаза! – заорал он. – Боже, как больно!

– Пелл, черт тебя подери... – Охранник сделал шаг вперед и поднял «тазер».

– Опустит! Он все равно никуда не уйдет! – рявкнул Бакстер. – Ему же глаза обожгло.

– Ничего не вижу!.. – простонал Пелл. – Кто-нибудь, помогите мне.

Бакстер повернулся к нему и наклонился.

– Что ты делаешь?! – крикнул охранник.

И тут надзиратель, шатаясь, отступил назад с выражением полнейшего изумления на лице. Пелл несколько раз вонзил ему в живот и в грудь разделочный нож. Истекая кровью, Бакстер упал на колени и потянулся к газовому баллончику. Пелл схватил его за плечи и развернул, и в ту же минуту громадный охранник выстрелил из «тазера». И промахнулся.

Пелл оттолкнул Бакстера в сторону и бросился на охранника. Громила застыл, не в силах оторвать взгляд от ножа, бесполезный «тазер» повис в руке. Голубые глаза Пелла внимательно всматривались в потную черную физиономию.

– Не делай этого, Дэниел.

Пелл двинулся вперед.

Массивные кулаки охранника сжались.

Слова бесполезны. По-настоящему сильный не станет унижать, угрожать и насмехаться. И потому Пелл резко рванулся вперед, ловко уклоняясь от ударов гиганта, и двенадцать раз ударил его ножом.

Лицо охранника исказилось от боли, он упал на бок, дергая ногой, хватаясь за грудь и за горло. Мгновение спустя здоровяк замер. Пелл выхватил у него из рук ключи и снял кандалы.

Бакстер пытался отползти в сторону и липкими от крови пальцами достать из кобуры «мейс». Глаза надзирателя расширились от ужаса, когда он заметил, что к нему приближается Пелл.

– Пожалуйста. Не убивай меня. Я просто исполнял свой долг. Мы ведь оба хорошие христиане! Я с тобой хорошо общался. Я...

Пелл схватил его за волосы. Так хотелось сказать этому придурку: «Зачем ты отнимал время у Господа, докучая Ему вопросами о ключах от машины?»

Но если ты по-настоящему сильный, то не станешь ни унижать, ни угрожать, ни насмехаться. И потому Пелл наклонился и ловким, уверенным движением перерезал надзирателю горло.

Когда Бакстер испустил дух, Пелл вновь направился к двери. Прикрыл глаза и схватил металлический огнеупорный мешок, в котором спрятал нож прямо за дверь. И уже сунул руку внутрь, когда вдруг почувствовал дуло у себя на шее.

– Не двигаться!

Пелл застыл.

– Брось нож!

Дуло плотно прижато к шее. Пелл почувствовал, что тот, кто держит оружие, в любой момент готов нажать на курок. Он шумно выдохнул. Нож с грохотом упал на пол. Рядом с Пеллом молодой латиноамериканец, полицейский в штатском, пристально смотрит на него, сжимая в руке рацию:

– Говорит Хуан Миллер. Кэтрин, ты меня слышишь?

– Продолжай! – отозвался женский голос в рации.

Кэтрин...

– Говорит одиннадцать-девять-девять. Мне необходима немедленная помощь у пожарного выхода на первом этаже напротив камеры временного содержания. Два охранника серьезно ранены. Девять-четыре-пять, пришлите «скорую помощь». Повторяю, я одиннадцать-девять-...

В это мгновение взорвался бензобак самой близкой к двери машины. Оранжевый язык пламени влетел внутрь.

Полицейский пригнулся.

Но не Пелл. Пламя опалило ему бороду, лизнуло щеки, однако он не шелохнулся.

Держись...

Глава 4

Кэтрин Дэнс кричала в свою «Моторолу»:

– Хуан, где Пелл?.. Хуан, отвечай. Что происходит?

Никакого ответа.

Одиннадцать-девять-девять – код дорожного патруля, который известен всем работникам правоохранительных органов Калифорнии. Он означал, что сотруднику полиции необходима немедленная помощь.

И тем не менее никакого ответа.

Начальник службы безопасности здания окружного суда, седой, стриженный под ежик отставной коп, просунул голову в кабинет прокурора:

– Кто руководит расследованием? Кто главный?

Сандовал бросил взгляд на Кэтрин:

– Вы.

Дэнс никогда раньше не сталкивалась с подобной ситуацией: побег преступника масштаба Дэниела Пелла с использованием зажигательной бомбы. Но, впрочем, ей вообще ничего не было известно о подобных случаях на полуострове. Кэтрин, конечно, могла координировать действия полиции до тех пор, пока кто-то из Управления шерифа или дорожного патруля не примет на себя руководство. Но необходимо было действовать быстро и решительно.

– Хорошо, – откликнулась она. И попросила начальника службы безопасности немедленно направить дополнительную охрану вниз и к выходам.

Снаружи слышались крики. Люди бежали по коридорам. Трещали рации.

– Посмотри! – Ти-Джей кивнул в сторону окна, за которым из-за черного дыма практически ничего не было видно. – Черт!

Несмотря на пожар, который к этому времени мог уже охватить и здание, Кэтрин Дэнс решила остаться в кабинете Алонсо Сандовала. Нельзя терять время на переход и эвакуацию. Если огонь перекинется на внутренние помещения, можно выпрыгнуть из окон на крыши автомобилей на передней стоянке, расположенной десятью футами ниже. Она вновь попыталась дозвониться до Хуана Миллера. И опять никакого ответа ни по телефону, ни по рации. Кэтрин обернулась к начальнику службы безопасности:

– Необходимо провести обыск всех помещений в здании.

– Да, мэ.

– Если ему удастся ускользнуть, придется выставить дорожные посты, – обратилась Дэнс к Ти-Джею. Она стянула пиджак и бросила на спинку стула. Под мышками у Кэтрин образовались большие пятна от пота. – Здесь, здесь, здесь... – Она громко ударяла короткими ногтями по ламинированной карте Салинаса.

Не сводя глаз с тех мест, на которые она указывала, Ти-Джей звонил в дорожный патруль, в Управление полиции штата и в офис шерифа.

Прокурор Сандовал мрачно взирал на погруженную в облако черного дыма стоянку. На оконном стекле сверкали блики от языков пламени. Прокурор молчал. Поступали новые сообщения, но упоминаний о том, что в здании или на улице обнаружен Пелл, среди них не было.

Так же как и упоминаний о Хуане Миллере.

Через несколько минут вернулся начальник службы безопасности с перепачканным сажей лицом. Он громко кашлял.

– Огонь удалось взять под контроль. Горело в основном снаружи. – И после короткой паузы добавил дрогнувшим голосом: – Сэнди... я должен сказать тебе, Джим Бакстер мертв. Охранник из «Капитолы» тоже. Оба зарезаны. Пеллу каким-то образом удалось заполучить нож.

– Нет! – прошептал Сандовал. – О нет!..

– А Миллер? – спросила Кэтрин.

– Возможно, преступник взял его в заложники. Мы нашли рацию. Предположительно его. Но не можем установить, куда направился Пелл. Кто-то открыл задний пожарный выход, но там еще несколько минут назад повсюду бушевал огонь. Пелл не мог выйти через эту дверь. Единственная альтернатива – пройти через здание, но его в тюремной одежде тут же заметят.

– Если только он не успеет переодеться в костюм Миллера, – парировала Дэнс.

Ти-Джей бросил на нее мрачный взгляд. Оба прекрасно понимали, что предполагает такой вариант.

– Передайте всем, что на нем может быть темный костюм и белая рубашка. Миллер намного выше Пелла. Штанины на брюках, скорее всего, закатаны.

Начальник службы безопасности по рации передал все своим подчиненным.

Оторвавшись от телефона, Ти-Джей крикнул:

– Машины уже выехали! – Он махнул в сторону карты. – Полиция штата наскребла полдюжины патрульных машин и мотоциклов. В течение ближайших пятнадцати минут они перекроют основные магистрали.

Им помогало то, что Салинас не очень большой город – всего 150 000 жителей – и притом сельскохозяйственный центр (его еще иногда называют «Салатницей страны»). Большую часть прилегающей к городу территории занимали плантации: здесь выращивала салат, ягоды, капусту, шпинат и артишоки. Это означало, что путей для бегства не так уж и много. Растения на здешних плантациях низкорослые, и Пелл среди них не спрячется.

Дэнс приказала Ти-Джею направить фотоснимки Пелла полицейским, которые будут блокировать дороги.

Что еще она может сделать? Кэтрин сжала свою косичку, заканчивавшуюся красным эластичным бантиком, который сегодня утром завязала энергичная Мегги. Такая у них с дочерью существовала традиция: каждое утро девочка подбирала цвет банта или какого-то другого украшения, вплетавшегося ею в материнские волосы. И вот теперь Кэтрин Дэнс вспомнила сверкающие карие глаза дочери за стеклами очков без оправы, ее рассказ о музыкальном лагере и идеи по поводу угощений к завтрашнему дню рождения отца Кэтрин. (Она поняла, что именно во время этого разговора с дочерью Уэс ухитрился положить ей в сумочку летучую мышь.)

Вспомнила Кэтрин и то, с каким нетерпением ожидала она в то утро возможности допросить знаменитого преступника.

Сына Мэнсона...

Ожила рация в руках у начальника службы безопасности. Напряженный голос произнес:

– У нас раненый человек. Тяжелораненый. Детектив из Монтерея. Видимо, Пелл толкнул его прямо в огонь. Уже вызвали «скорую». Вертолет в пути.

Нет, нет... Кэтрин обменялась взглядом с Ти-Джеем. Дэнс понимала, что Миллер в данный момент, скорее всего, испытывает страшную боль, но ей необходимо было поговорить с ним. Она кивнула на рацию. Пожилой коп передал ее ей.

– Говорит агент Дэнс. Детектив Миллер в сознании?

– Нет, мэм. Все очень... очень плохо.

Пауза.

– Он в одежде?

– В чем?.. Простите...

– Пелл забрал одежду Миллера?

– О нет. Одежда на нем.

– А оружие?

– Оружия нет.

Черт!

– Сообщите всем, что Пелл вооружен. – Кэтрин пришла в голову еще одна мысль. – Соедините меня с полицейским в вертолете «скорой помощи», как только он приземлится. Возможно, Пелл планирует выбираться отсюда на попутках.

– Принято.

Она вернула рацию владельцу, вытащила телефон, нажала кнопку быстрого набора.

– Кардиологический центр, – ответил низкий спокойный голос Эди Дэнс.

– Мама, это я.

– Что случилось, Кэти? Что-нибудь с детьми?

Дэнс мгновенно представила встревоженное млаожавое лицо коренастой женщины с коротко подстриженными седыми волосами, в круглых очках в массивной серой оправе. Она сейчас наклоняется вперед – ее обычная рефлекторная реакция на напряжение.

– Нет, с ними все в порядке. Но один из детективов Майкла получил сильные ожоги. Очень сильные. В здании суда был совершен поджог как часть спланированного побега. В новостях об этом расскажут подробнее. Мы потеряли двоих из охраны.

– О! Какой ужас! – пробормотала Эди.

– Детектива зовут Хуан Миллер. Ты его видела пару раз.

– Не помню. Его везут сюда?

– Да-да. На вертолете.

– Действительно так плохо?

– У вас же есть ожоговое отделение?

– Очень небольшое, часть реанимационного отделения. Если случай действительно серьезный, придется как можно скорее отправить его в Альта-Бейтс или в Санта-Клару. Возможно, в Гроссман.

– Ты не могла бы навещать его время от времени? И давать мне знать, в каком он состоянии?

– Конечно, Кэти.

– И если появится такая возможность, мне очень хотелось бы поговорить с ним. Все, что он видел, может оказаться крайне важным.

– Да, конечно.

– Я буду занята сегодня весь день, даже если нам удастся сразу поймать Пелла. Ты не могла бы попросить папу, чтобы он забрал детей?

Стюарт Дэнс, морской биолог, некоторое время назад вышедший на пенсию и иногда подрабатывавший в знаменитом Монтерейском океанариуме, при необходимости всегда соглашался подвезти детей до дому.

– Я сейчас же ему позвоню.

– Спасибо, мама.

Дэнс закончила разговор и подняла глаза на прокурора Алонсо Сандовала. Тот тупо смотрел на карту, висящую на стене.

– Кто же ему помогал? – пробормотал он. – И где, черт возьми, может быть Пелл?

Многочисленные варианты обоих вопросов мелькали и в голове Кэтрин Дэнс.

И еще один: «Что мне следовало сделать, чтобы точнее расшифровать его мысли и намерения? Что я могла сделать, чтобы избежать трагедии?»

Глава 5

Лопастаи вертолета взвыли, и он стал подниматься со стоянки, разгоняя клубы дыма, разлетавшиеся в стороны элегантными завитками. Винтокрылая машина увозила Хуана Миллера в больницу.

Vaya con Dios...²

Дэнс позвонили. Она взглянула на дисплей телефона.

– Чарльз, – сказала она, обращаясь к руководителю западного отделения центрального регионального управления Калифорнийского бюро расследований.

– Я на пути к вам. Какова обстановка, Кэтрин?

Она сообщила всю последнюю информацию, включая гибель охранников и состояние Миллера.

– Да уж, ситуация... Есть какие-нибудь нити? Что мы можем им представить?

– Кому – им?

– Прессе.

– Не знаю, Чарльз. У нас очень немного информации. Он может находиться где угодно. Я отдала приказ установить посты на дорогах, и в данный момент мы проводим тщательный обыск в самом здании.

– Ничего конкретного? Даже направления?

– Нет.

Он вздохнул:

– Ладно. Да, кстати, руководишь операцией ты.

– Что?

– Я хочу, чтобы ты отвечала за поимку сбежавшего преступника.

– Я? – Кэтрин была искренне удивлена.

У КБР, естественно, имелась своя юрисдикция. Бюро – самая крупная правоохранительная структура штата, Кэтрин Дэнс принадлежала к числу ее ведущих сотрудников, и, конечно, ничто не могло помешать ее назначению руководителем операции. Тем не менее КБР прежде всего занималось следствием и располагало не очень большим штатом сотрудников. К поискам, по-видимому, придется подключить Калифорнийский дорожный патруль и Управление шерифа.

– Почему я? Почему не кто-нибудь из дорожного патруля или Управления шерифа?

– Полагаю, в этом деле нам необходима централизованная координация. Думаю, объяснить нет нужды. Кроме того, вопрос уже решен, все согласны.

Уже? Кэтрин поняла, почему шеф так долго не перезванивал, – пытался добиться, чтобы такое громкое дело доверили ведению КБР.

Ну что ж, наверное, она не против. Тем более что для нее это теперь дело личное.

Она вновь представила оскаленные зубы Пелла, услышала жуткий голос и слова:

Вижу, тяжело быть полицейским. Мальшам приходится подолгу оставаться одним. Ведь так? Им нужны друзья для игр...

– Хорошо, Чарльз. Я займусь этим делом. Но хочу, чтобы мне помогал Майкл.

Майкл О’Нил был детективом из Управления шерифа, с ним чаще всего работала Кэтрин. Она и офицер с вкрадчивым, приятным голосом, уроженец Монтерея, сотрудничали уже в течение многих лет. Майкл стал наставником Кэтрин, когда ее взяли в КБР.

– Не возражаю.

«Отлично», – подумала Дэнс. Ведь она уже позвонила Майклу.

² С Богом... (исп.)

– Я скоро приеду. Мне нужна дополнительная информация перед пресс-конференцией. – Овербай отключился.

Дэнс вышла из здания суда и направилась к заднему двору, когда ее внимание привлекли вспышки света. Она узнала один из «таурусов» КБР – по красным и голубым вспышкам сигнальных огней.

Рей Карранео остановил машину и нагнал Кэтрин. Стройный молодой человек, черноглазый, с густыми темными бровями, он проработал у них всего каких-нибудь два месяца. Однако на самом деле был совсем не таким неопытным и наивным юнцом, каким мог показаться на первый взгляд, так как в течение трех лет прослужил полицейским в Рино – а это отнюдь не курорт для копов, – перед тем как переехать на полуостров, чтобы вместе с женой ухаживать за больной матерью. Ему еще нужно немного пообтереться на новой работе и поднабраться опыта, однако Карранео уже показал себя неутомимым и надежным сотрудником полиции, а это немало.

Карранео был всего на шесть или семь лет моложе Дэнс, но в жизни копа шесть лет – значительный срок, и он никак не мог привыкнуть называть ее «Кэтрин», хотя она и пыталась настаивать. От смущения Рей часто в качестве приветствия отделялся простым кивком. Что сделал и на сей раз: вежливо и уважительно кивнул ей.

– Пойдем со мной. – Вспомнив улики по делу Херрона и взрывчатку, Кэтрин добавила: – У преступника, вероятно, есть сообщник, нам также известно, что он вооружен. Поэтому будь начеку.

Они прошли во внутренние помещения здания суда, где пожарные и криминалисты из Управления полиции Монтерея осматривали место преступления, напоминающее театр военных действий. Четыре автомобиля выгорели полностью, два оставшихся – наполовину. Задняя часть здания почернела от копоти, мусорные урны расплавились. Над стоянкой повисло голубовато-серое облако дыма. Несло запахом жженой резины и вонью, вызывавшей гораздо более жуткие ассоциации.

Кэтрин оглядела стоянку. Затем ее взгляд скользнул к открытой задней двери.

– Он не мог здесь пройти, – произнес Карранео, словно эхом отозвавшись на мысли Дэнс.

По виду поврежденных машин и выжженным местам на асфальте было ясно, что огонь стеной подступал к самой двери. Пламя служило отвлекающим средством. Но куда же в таком случае он направился?

– Владельцы машин установлены? – спросила она пожарного.

– Да. Все здешние сотрудники.

– Эй, Кэтрин, мы нашли взрывное устройство, – обратился к ней человек в форме. Это был начальник пожарной охраны округа.

Она кивком приветствовала его.

– И что же?

– Чемодан на колесиках, довольно большой. С пластиковыми бутылками из-под молока, наполненными бензином. Злоумышленник подложил его вон под тот «сааб». Взрыватель замедленного действия.

– Профессионал?

– Скорее всего, нет. Мы нашли остатки запала. Его можно сделать из обычной бельевой веревки и кой-каких химикатов. А инструкции получить в Интернете. Он примерно такой, какой делают дети, когда хотят что-то взорвать. А в результате часто взрываются сами.

– Можно найти какие-то следы?

– Не исключено. Отошлем обнаруженное в лабораторию, а там посмотрим.

– Вы можете установить, когда подложили запал?

Пожарный кивнул в сторону автомобиля, под которым нашли взрывчатку:

– Его владелец прибыл сюда примерно в девять пятнадцать, значит все произошло где-то после этого времени.

– Есть какая-нибудь надежда получить отпечатки?

– Сомневаюсь.

Кэтрин разглядывала место пожара. Интуиция подсказывала: что-то здесь не так.

Полумрак в коридоре, кровь на асфальте.

Открытая дверь.

Медленно поворачиваясь и оглядывая стоянку, Кэтрин заметила что-то за зданием среди растущих неподалеку сосен и кипарисов. С дерева свисала оранжевая лента – такими обычно отмечают кусты и деревья, предназначенные для вырубки. Подойдя поближе, она обратила внимание на то, что горка сосновых иголок под лентой выше, чем под другими деревьями. Дэнс опустила на колени и стала копать. Очень скоро она наткнулась на большую обгоревшую сумку из металлизированного материала.

– Рей, мне нужны перчатки.

Кэтрин закашлялась от дыма.

Молодой агент взял пару у криминалиста из Управления шерифа и передал Кэтрин. В сумке оказались оранжевая тюремная роба Пелла и серый комбинезон с капюшоном – какая-то разновидность противопожарного костюма. На ярлыке значилось, что одежда изготовлена из полибензимидазольных волокон, кевлара и имеет коэффициент SFI, равный 3,2A/5. Дэнс не имела ни малейшего представления, что это может означать, кроме того, что материал достаточно прочный и мог гарантировать Пеллу более или менее безопасный проход по охваченной пламенем стоянке.

Плечи Кэтрин опустились. Огнезащитный костюм? Что же здесь происходит?

– Не понимаю... – произнес Рей Карранео.

Она объяснила, что сообщник Пелла, вероятно, установил взрывчатку и оставил сумку у дверей. В ней были костюм и нож. А возможно, и универсальная отмычка для наручников и кандалов. Обезоружив Хуана Миллера, Пелл надел костюм и побежал по горящей стоянке к дереву, отмеченному оранжевой ленточкой, под которым сообщник спрятал для него одежду. Там Пелл переоделся и скрылся.

Кэтрин достала телефон, сообщила о находках, затем подозвала криминалиста и передала ему вещественные доказательства.

Карранео провел ее к участку, расположенному неподалеку:

– Следы.

Несколько отпечатков, оставленных бегущим человеком на земле, на расстоянии четырех футов друг от друга. Следы явно принадлежали Пеллу. Он оставил также отчетливые отпечатки у пожарного выхода из здания суда. Оба агента КБР направились по следу.

Следы Пелла оборвались на ближайшей улице, Сан-Бенито-Уэй, вдоль которой располагались пустые места для парковок, лавка со спиртным, грязная кафешка, помещение фирмы по франчайзингу, ломбард и бар.

– Вот здесь его и подобрал поделщик, – заключил Карранео, оглядывая улицу.

– Но с противоположной стороны здания суда есть еще одна улица. Она на двести футов ближе. Почему он решил бежать сюда?

– Наверное, потому, что здесь движение больше?

– Возможно.

Кэтрин прищурилась, оглядывая местность, и вновь закашлялась. В конце концов ей удалось совладать с кашлем, и ее взгляд остановился на противоположной стороне улицы.

– Пошли! Скорее!

Молодой человек лет тридцати, в шортах и форменной рубашке «Уорлдуайд экспресс», вел свой зеленый автофургон по центру Салинаса. В плечо его упиралось дуло пистолета. Он непрерывно причитал:

– Послушайте, мистер, не знаю, чего вы от меня хотите, но клянусь, не перевозим мы наличные. При мне пятьдесят долларов моих собственных денег, и я готов...

– Давай бумажник.

На преступнике тоже были шорты, ветровка и бейсболка «Окленд А». Лицо измазано сажей, борода немного опалена. Ему уже явно за сорок, но он худощав и силен. Самым примечательным в его внешности были глаза жутковатого светло-голубого оттенка.

– Все, что угодно, мистер. Только не трогайте меня. У меня ведь семья.

– Бу-маж-ник.

Неповоротливому Билли потребовалось несколько секунд на то, чтобы вытащить бумажник из узких шорт.

– Вот, возьмите.

Мужчина пересчитал купюры.

– Так-так, кто тут у нас? Уильям Гилмор, проживающий по авеню Рио-Гранде, три-четыре-три-пять, в округе Марин, штат Калифорния, отец двоих прелестных деток, если информация в твоей личной фотогалерее еще не совсем устарела.

Ужас охватил Билли.

– И супруг очаровательной женушки. Только посмотреть на эти локоны! Могу поспорить на любые деньги, что вьются от природы, без всяких химических ухищрений. Эй, следи за дорогой. Вот здесь надо немного свернуть. И поезжай туда, куда я тебе сказал в самом начале. А теперь дай-ка мне свой сотовый.

Голос преступника звучал спокойно и уверенно. Хороший признак. Значит, он не станет делать никаких глупостей.

Билли услышал, как он набирает номер.

– Ло. Это я. Запиши. – Он повторил адрес Билли. – У него жена и двое детей. Жена очень хорошенькая. Тебе понравятся волосы.

– Кому вы звонили? – прошептал Билли. – Пожалуйста, мистер... пожалуйста. Забирайте фургон, забирайте все, что хотите. Я могу вас отвезти куда угодно, потратить на вас столько времени, сколько нужно, чтобы вы могли скрыться. Час. Два часа. Только не...

– Ш-ш-ш. – Мужчина продолжал говорить в трубку. – Если не появлюсь, значит мне не удалось прорваться сквозь заградительные посты на дорогах, потому что Уильям был недостаточно убедителен. В таком случае, сделай милость, нанеси визит его семейке. Они в твоём полном распоряжении.

– Нет!

Билли резко повернулся и попытался выхватить телефон из рук незнакомца.

Дуло пистолета уткнулось ему в лицо.

– Следи за дорогой, сынок. Нам сейчас не с руки попадать в аварию.

Незнакомец выключил телефон и сунул его себе в карман.

– Уильям... Тебя обычно зовут Билл?

– В основном Билли, сэр.

– Значит, Билли, разъясняю: я сбежал из той тюрьмы, что осталась у нас позади.

– Да, сэр. Я, вообще-то, не возражаю.

Мужчина расхохотался:

– Ну и на том спасибо. Ты слышал, что я говорил по телефону. И знаешь, что мне от тебя нужно. Провезешь меня невредимым через дорожные посты, я тебя отпущу и с семьей твоей ничего не случится.

У Билли физиономия уже пылала как в лихорадке, внутренности сжались в комок от ужаса. Дрожащей рукой он стер пот с круглых щек.

– Ты мне не опасен. Всем известно, как меня зовут и как я выгляжу. Зовут меня Дэниел Пелл, а моя фотография появится в новостях в самое ближайшее время. Поэтому мне нет никакого резона причинять тебе вред, если ты, конечно, будешь точно выполнять все мои приказания. А теперь постарайся хоть немного успокоиться. Сосредоточься. Если тебя остановит полиция, я хочу, чтобы перед ними предстал жизнерадостный и любопытный водитель, занимающийся извозом, и ему очень интересно знать, что там такое случилось в городе. Дым кругом, суета. Понял намек?

– Пожалуйста, прошу вас, я сделаю все, что угодно...

– Билли, я знаю, ты меня очень внимательно слушал. Мне не нужно, чтобы ты делал «все, что угодно». Мне нужно, чтобы ты делал то, о чем я тебя попрошу. Вот и все. Ничего не может быть проще.

Глава 6

Кэтрин Дэнс и Карранео зашли в контору по франчайзингу на Сан-Бенито-Уэй и узнали там, что фургон компании по доставке посылок «Уорлдуайд экспресс» отбыл с обычной утренней партией корреспонденции буквально через несколько минут после побега.

Из «А» в «В» и в «Х»...

Дэнс сразу поняла, что Пелл мог захватить фургон, чтобы проскочить на нем дорожные посты. Она позвонила директору отделения «Уорлдуайд экспресс» в Салинасе, и тот подтвердил, что данный водитель до сих пор не развез посылки по нужным адресам. Кэтрин узнала номер фургона и передала его в Управление шерифа.

Они вернулись в кабинет Сэнди Сандовала, чтобы координировать действия по поиску фургона. К сожалению, поиски осложнялись тем, что всего в Салинасе функционировало двадцать машин «Уорлдуайд экспресс», поэтому Дэнс попросила директора отдать приказ всем водителям немедленно остановиться у ближайшей заправочной станции. В фургоне, который, несмотря ни на что, будет продолжать движение, скорее всего, и находится Дэниел Пелл.

Но на это уйдет определенное время. Директору пришлось связываться с водителями по сотовым, так как любые предупреждения по радиосвязи сразу дали бы знать Пеллу, что его способ побега раскрыт.

В комнату кто-то вошел. Кэтрин повернулась и увидела Майкла О'Нила. Она с улыбкой кивнула, почувствовав некоторое облегчение. Для Дэнс Майкл был единственным полицейским в мире, которого она хотела бы видеть своим помощником в этом чрезвычайно сложном деле.

О'Нил работал в Управлении шерифа уже много лет. Начал с рядового полицейского и поднялся до руководящих высот, сделавшись уверенным, методичным следователем с рекордным числом задержанных опасных преступников и – что еще более важно – преступников, которые впоследствии были осуждены на основании собранных им улик.

Майкл отклонял многочисленные выгодные предложения перейти на службу в частные охранные структуры или поступить на работу в более крупные и престижные организации типа КБР или ФБР. Он решительно отказывался от любой работы, предполагавшей переезд или частые командировки. Родиной О'Нила был полуостров Монтерей, и он не хотел никуда отсюда уезжать. Его родители тоже до сих пор жили здесь, в доме с видом на океан, в этом доме он вырос вместе с братьями и сестрами. В настоящее время, правда, отец О'Нила страдал от старческого слабоумия, а мать подумывала о том, чтобы продать дом, а супруга сдать в приют. О'Нил же, зная об этом, планировал купить родительский дом вместе с землей.

Со своей страстной любовью к заливу, рыбалке и яхте Майкл О'Нил мог бы стать одним из стойких и непритязательных героев Стейнбека, таким, к примеру, как Док из «Консервного Ряда». Более того, О'Нил, будучи страстным собирателем книг, имел в своей библиотеке первые издания всех произведений Стейнбека. (Любимым сочинением были «Путешествия с Чарли в поисках Америки», книга очерков, в которой писатель делился впечатлениями о поездке по Америке в компании своего пуделя, и О'Нил намеревался когда-нибудь повторить путь любимого литератора.)

В прошлую пятницу они вместе с Дэнс задержали тридцатилетнего уголовника, известного под именем Эсе, главу опасной банды чиканос³, действовавшей в районе Салинаса. Затем они с Дэнс отметили успех, распив бутылочку игристого вина «Пайпер-Сонома» в до отказа забитом туристами ресторане «Рыбацкая верфь».

³ Чиканос – американцы мексиканского происхождения. – Здесь и далее примеч. перев.

Теперь же у Кэтрин было такое чувство, что с момента их торжества прошло уже несколько недель. Если оно вообще было.

В Управлении шерифа носили форму цвета хаки, но О'Нил предпочитал одеваться в «гражданку», и сегодня он появился в синем костюме, без галстука и в рубашке пепельно-серого цвета. Сощуриив карие глаза, он внимательно изучал карту местности. О'Нил был мужчина поистине титанического телосложения, с плотными мускулистыми руками. Свою физическую силу он частично унаследовал от родителей, а частично развил в схватках с подводными обитателями залива Монтерей, куда отправлялся на своей любимой яхте всякий раз, когда позволяли время и погода.

О'Нил кивком приветствовал Ти-Джея и Сандовала.

– Что-нибудь слышно о Хуане? – спросила Кэтрин.

– Борется. – Тяжелый вздох.

О'Нил часто работал вместе с Миллером, и примерно раз в месяц они вместе выезжали на рыбалку. Дэнс знала, что по дороге сюда он постоянно созванивался с больницей и с семьей Миллера.

В Калифорнийском бюро расследований не было собственного диспетчерского центра для связи с патрульными машинами, машинами «скорой помощи» и водными транспортными средствами, поэтому О'Нил договорился, чтобы центр связи в Управлении шерифа передавал информацию о фургоне «Уорлдуайд экспресс» своим сотрудникам и сотрудникам Калифорнийского управления полиции. Он сообщил им, что через несколько минут фургон с беглецом окажется единственным, не остановившимся на одной из заправочных станций.

О'Нил принял сообщение и, кивая, прошел к карте. Зажал телефон между ухом и плечом, взял со стола пачку стикеров в виде бабочек и начал приклеивать их к карте.

Еще несколько дорог перекрыто, решила Дэнс.

Он прекратил разговор.

– Они на Шестьдесят восьмом, на Сто восемьдесят третьем, на Сто первом... Все дороги на Холлистер перекрыты, а также на Соледад и на Гринфилд. Однако если ему удастся выехать на Райские пастбища, там трудновато будет определить местонахождение фургона, даже с помощью вертолета. А сейчас дело осложняет туман.

«Райскими пастбищами» в книге с таким же названием Стейнбек окрестил богатую, цветущую долину рядом с шоссе № 68.

Большая часть окрестностей Салинаса представляла собой измененность, занятую сельскохозяйственными угодьями, но совсем недалеко отсюда начинались заросли деревьев. Неподалеку также располагался участок, именованный Касл-Рок, – тамошние скалы, обрывы и заросли деревьев и кустарников могли стать превосходным укрытием.

– Если сообщник Пелла не ведет этот фургон, то где же он тогда? – спросил Сандовал.

– Где-нибудь на запланированном месте встречи, – предположил Ти-Джей.

– Или где-то неподалеку, – отозвалась Дэнс, кивнув за окно.

– Что? – переспросил прокурор. – С какой стати?

– Чтобы быть в курсе того, как идет расследование, и того, что нам становится известно.

А также того, что нам пока неизвестно.

– Звучит несколько... чересчур, тебе не кажется?

Ти-Джей рассмеялся, указывая на обгоревшие машины:

– Неплохая характеристика того, что здесь произошло.

– А может быть, он хочет каким-то образом затормозить расследование, – предположил

О'Нил.

– Не исключено, – согласилась Дэнс. – Пелл и его сообщник не знают, что мы ищем фургон. По их мнению, мы все еще думаем, что они где-то неподалеку. Сообщник может попы-

таться заставить нас поверить, что Пелл где-то рядом. Может симитировать стрельбу на улице или даже взорвать еще одно подобное устройство.

– Черт! – Сандовал скривился.

Дэнс позвонила начальнику службы безопасности и сообщила ему: не исключена вероятность, что сообщник Пелла находится где-то рядом со зданием суда и может представлять опасность.

Но, как оказалось, у них не было времени на выяснение, близко или далеко от здания суда расположился сообщник беглеца. План по задержанию фургона «Уорлдуайд экспресс» сработал. Из офиса шерифа О'Нилу по радиации сообщили, что два местных полицейских обнаружили Пелла и теперь преследуют его.

За темно-зеленым автофургоном по небольшой дороге тянулся хвост пыли.

Водитель патрульной машины Салинасского отделения полиции, бывший моряк, недавно принимавший участие в военных действиях, сжимал в руках баранку так, словно держал руль десятифутового скифа в под килем было двенадцать футов.

Его спутник, мускулистый латиноамериканец, одной рукой держался за приборную панель, а во второй стиснул микрофон:

– Говорит патрульная машина номер семь Салинасского отделения полиции. Мы все еще у него на хвосте. Он свернул на грунтовую дорогу от Натвидада примерно в миле к югу от Олд-Стейдж.

– Принято... Центр – седьмому: будьте осторожны, преступник, вероятно, вооружен и опасен.

– Если он вооружен, то, уж конечно, опасен, – отозвался водитель, и тут его машина подскочила на выбоине, и с него слетели солнцезащитные очки.

Полицейские практически не видели дороги перед собой: автофургон впереди поднял целую песчаную бурю.

– Центр – седьмому: все свободные машины едут вам на подмогу.

– Принято.

Подкрепление – совсем неплохая идея. Ходили слухи, что Дэниел Пелл, главарь секты ненормальных, современный Чарльз Мэнсон, пристрелил десяток человек в здании суда, поджег автобус, до отказа набитый школьниками, и располосовал ножом группу из будущих присяжных, насмерть зарезав четверых. Или двоих. Или восьмерых. Что бы там ни произошло на самом деле, два молодых копа с радостью приняли бы любую помощь.

– А куда он направляется? – пробормотал бывший военный моряк. – Там же впереди ничего нет.

Дорога предназначалась в основном для сельхозмашин и автобусов, возивших сезонных рабочих на поля и обратно. Она не вела ни на шоссе, ни на другие крупные дороги. Сегодня она была практически пуста, но о ее предназначении и о том, что она, скорее всего, заканчивается тупиком, можно было заключить по плачевному состоянию покрытия и по бакам с питьевой водой и передвижным туалетам на прицепах у обочины.

Впрочем, вполне возможно, Дэниелу Пеллу это неизвестно, и он полагает, что едет по обычной дороге, не ведая того, что она вот сейчас возьмет и оборвется посередине артишокового поля. Впереди, на расстоянии примерно тридцати ярдов, Пелл в панике затормозил, и фургон начало заносить. Он не успел вовремя остановиться. Передними колесами фургон влетел в мелкую ирригационную канаву, а задняя его часть поднялась, а затем рухнула на дорогу с оглушительным грохотом.

Полицейский автомобиль остановился рядом.

– Говорит седьмой, – произнес в микрофон латиноамериканец. – Пелл съехал с дороги.

– Принято, он?..

Парни выскочили из машины с пистолетами наготове.

– Он может слинять, он может слинять!

Из фургона никто не вышел.

Полицейские приблизились к машине. Задние дверцы раскрылись от удара сами собой, но в кузове не было ничего, кроме десятков посылок и конвертов, рассыпанных по полу.

– Вот он, посмотри.

Пелл лежал оглушенный, лицом вниз на полу.

– Возможно, он ранен.

– Ну и черт с ним! – Офицеры бросились вперед, надели на Пелла наручники и вытащили наружу.

Здесь они бросили его на землю.

– Хорошая попытка, дружок, но вот...

– Черт! Это не он.

– Что? – переспросил второй коп.

– Ты меня прости, но разве то, что лежит перед нами, похоже на белого мужика сорока трех лет?

Бывший моряк наклонился над обкурившимся парнишкой с татуировкой на щеке и рявкнул по-испански, на языке, на котором свободно изъяснялись все сотрудники полиции как в Салинасе, так и в его окрестностях:

– Ты кто такой?

Парень отвел глаза и пробормотал по-английски:

– Я ничего вам не скажу. Убирайтесь.

– Ах, черт!

Латиноамериканец заглянул в кабину, где с приборного щитка свисали ключи, и сразу все понял: Пелл бросил фургон с включенным зажиганием на одной из городских улиц, прекрасно зная, что его угонят в течение ближайших шестидесяти секунд. Полиция будет его преследовать и тем самым позволит самому Пеллу скрыться в противоположном направлении.

Потом ему в голову пришла еще одна мысль. Не очень хорошая. Он повернулся к бывшему моряку:

– Как ты думаешь, когда мы сообщили, что вышли на Пелла, и нам на подмогу послали все свободные машины, ограждения на дорогах сняли?

– Нет, они не могли так поступить. Это было бы глупо!

Парни переглянулись:

– Господи!

Латиноамериканец бросился к своей машине и схватил микрофон.

Глава 7

– «Хонда-сивик», – сообщил Ти-Джей. – Пять лет. Красного цвета. У меня есть номера. Они уже знали, что Пелл пересел в личный автомобиль водителя «Уорлдуайд экспресс», этой машины не было на стоянке компании.

– Я дам знать людям на дорожных постах, – предложил Ти-Джей.

– Когда они туда вернутся, – пробормотала Кэтрин.

О'Нил и все остальные были потрясены, когда узнали, что какой-то местный диспетчер отдал приказ снять посты с дорог и направить высвободившиеся машины в погоню за фургоном «Уорлдуайд экспресс». На спокойном лице О'Нила ничего не изменилось, он только плотно сжал губы, но для него это было самым характерным способом демонстрации отвращения к человеческой глупости. Майкл немедленно вернул машины на их посты.

Полицейские находились в совещательной комнате неподалеку от кабинета Сандовала. Теперь, когда стало ясно, что Пелла нет рядом со зданием суда, Дэнс хотела вернуться к себе в КБР, но Чарльз Овербай попросил их остаться до своего приезда.

– Боится ненароком пропустить какую-нибудь пресс-конференцию, – заметил Ти-Джей. Дэнс с О'Нилом сухо рассмеялись его шутке. – Кстати, – прошептал Ти-Джей, – вот и он собственной персоной. Всем залечь!

В дверях появился высокий, уверенный в себе мужчина. Чарльз Овербай, типичный полицейский-карьерист пятидесяти пяти лет. Ни с кем не поздоровавшись, он обратился к Дэнс:

– Значит, его в фургоне не было?

– Нет. Там был парень из местной шпаны. Пелл бросил фургон раньше. Он знал, что кто-нибудь обязательно его угонит, а мы будем продолжать преследование. Он пересел в личную машину водителя фургона.

– А сам водитель?

– Неизвестно.

– Гм...

Загорелый шатен Чарльз Овербай был довольно спортивным, хотя телосложением напоминал грушу. Он неплохо играл в теннис и гольф. Овербая совсем недавно назначили главой западного отделения центрального управления КБР. Он сменил на этом посту Стэна Фишбурна, вышедшего в отставку раньше срока по медицинским основаниям, к большому сожалению всех сотрудников КБР. Сожаление в одинаковой степени было вызвано как инфарктом Фишбурна, так и приходом на его место Овербая.

О'Нил принял очередной звонок, и Дэнс сообщила Овербаю всю последнюю информацию по делу, добавив подробности относительно новой машины Пелла и несколько собственных комментариев по поводу того, что сообщник Пелла все еще может находиться где-то неподалеку.

– Думаете, он мог подложить второе взрывное устройство?

– Вряд ли. Но вероятность пребывания сообщника где-то неподалеку не исключена.

О'Нил положил телефон:

– Заграждения на дорогах восстановлены.

– А кто их снял? – спросил Овербай.

– Неизвестно.

– Уверены, что никто из нас и не вы, Майкл? – спросил Овербай с напряжением в голосе.

Неловкая пауза, затем О'Нил ответил:

– Нет, Чарльз, будьте спокойны.

– Кто же, в таком случае?

- Точно неизвестно.
- Предстоит выяснить.
- Хорошо.

Обмен взаимными обвинениями – пустая трата времени. Дэнс понимала, что О’Нил не станет ничего выяснять, но, по крайней мере, своим обещанием Майкл поставил точку в неприятной теме.

– Пока никому не удалось напасть на след «хонды», – продолжал детектив. – Но возможно, он успел выехать на Шестьдесят восьмое или Сто первое. Хотя вряд ли на Шестьдесят восьмое.

– Вряд ли, – согласился Овербай.

Дорога № 68 привела бы Пелла в густонаселенный Монтерей. По 101-му, более широкому шоссе, связывавшему несколько штатов, он мог выехать на любую крупную магистраль.

– Устанавливают новые посты в Гилрое. И в тридцати милях к югу. – О’Нил разместил новых «бабочек» в нужных местах.

– А как насчет автобусных станций и аэропорта? – спросил Овербай.

– Все учтено, – откликнулась Дэнс.

– Сан-Хосе и Окленд охвачены?

– Да. А также Санта-Крус, Сан-Бенито, Мерсед, Санта-Клара, Станислаус и Сан-Матео. – Все близлежащие округа.

Овербай что-то записал себе в блокнот:

– Хорошо. – Затем поднял глаза. – Я только что говорил с Эйми.

– Грейб?

– Именно.

Эйми Грейб была специальным агентом отделения ФБР в Сан-Франциско. Дэнс прекрасно знала эту умную, проницательную даму. Юрисдикция их отделения КБР распространялась к северу до района залива, поэтому Кэтрин несколько раз приходилось работать вместе с Эйми. Когда-то работал с ней и муж Кэтрин, агент местного отделения ФБР.

– Если в ближайшее время не удастся поймать Пелла, они пообещали предоставить нам специалиста.

– Кого?

– Сотрудника их Бюро, который занимается подобными делами.

«Что за специалист?» – подумала Дэнс. Ей вспомнился Томми Ли Джонс из «Беглеца».

О’Нил тоже заинтересовался:

– Какой-нибудь переговорщик?

– Нет, – ответил Овербай. – Он специалист по сектам. Много работал с такими людьми, как Пелл.

Дэнс пожала плечами – жест, как правило, подчеркивающий смысл сказанных слов. В данном случае он акцентировал ее сомнения. «Не уверена, что приглашение имеет смысл». Она принимала участие во многих операциях с участием нескольких правоохранительных структур и не имела ничего против того, чтобы поделиться ответственностью с федералами или кем-то еще, но прекрасно знала, что подключение других организаций, как правило, замедляет ход операции. Кроме того, Кэтрин никак не могла взять в толк, чем отличается побег лидера секты от побега обычного убийцы или грабителя.

Но Овербай уже принял решение. По его тону и языку телодвижений все было ясно.

– Он блестящий профессионал, способный проникать в глубины их психики. Менталитет сектантов принципиально отличается от менталитета ваших обычных уголовников.

Неужели?

Начальник протянул Дэнс бумажку с именем и номером телефона:

– Сейчас он в Чикаго, завершает какое-то дело, но сможет прилететь сюда сегодня к вечеру или завтра утром.

– Чарльз, ты уверен, что это необходимо?

– В случае с Пеллом мы не можем отказываться от помощи. Ни от какой! А здесь речь идет о крупном специалисте из Вашингтона. Он предоставит нам свои знания, да и людей у нас с ним хотя бы на одного человека прибавится.

«И больше голов, на которые можно будет сваливать вину за неудачи», – цинично подумала Кэтрин, начиная понимать, в чем дело. Когда Грейб спросила, не может ли ФБР чем-то помочь в поиске Пелла, Овербай сразу же ухватился за предложение, полагая, что, если беглеца не удастся поймать и притом пострадают еще какие-то люди, на подиуме перед журналистами предстанет и будет давать за все ответ не он один, а еще и столичный «спец». Тем не менее Кэтрин продолжала улыбаться шефу.

– Ну что ж, отлично. Надеюсь, он прибудет раньше, чем нам понадобится еще чья-то помощь.

– Да, кстати, Кэтрин. Полагаю, следует тебе сообщить. Эйми спрашивала у меня, как случилось, что преступнику удалось сбежать, и я сказал ей, что твой допрос к его побегу не имеет никакого отношения.

– Мой... что?

– Не думаю, что возникнут какие-то проблемы. Я подчеркнул, что ты не сделала ничего такого, что помогло бы Пеллу сбежать.

Кэтрин ощутила, как кровь приливает к лицу. Оно мгновенно побагровело. От эмоций никуда не деться. За годы работы она часто понимала, когда человек ей лжет, так как чувство вины и стыда усиливает приток крови к лицу.

Так же, как и гнев.

Скорее всего, Эйми Грейб не имела ни малейшего представления о том, что Дэнс должна была допрашивать Пелла, не говоря уже о том, чтобы заподозрить ее в какой-то халатности, которая могла способствовать его побегу. Но теперь ей, несомненно, внушили подобные подозрения, а также и всему Сан-Францисскому отделению ФБР, а возможно, и некоторым сотрудникам ее собственного управления в Сакраменто.

– Он сбежал из своей камеры, а не из комнаты для допросов, – заметила она холодно.

– Я имел в виду, что Пелл мог получить от тебя определенную информацию, которую использовал при побеге.

Дэнс почувствовала, как напрягся О'Нил. Детектив очень близко к сердцу принимал оскорбления в адрес тех людей, у которых был наставником. Однако он прекрасно понимал, что Кэтрин Дэнс может превосходно сама за себя постоять. И потому промолчал.

Кэтрин была вне себя, представляя, что Овербай мог сказать о ней Грейб. Теперь до нее дошло и остальное – причина, по которой он хотел, чтобы КБР вело дело: если бы Овербай позволил какой-то другой организации взять его на себя, тем самым он признал бы, что Бюро хотя бы отчасти виновато в побеге.

Но Овербай еще не закончил.

– Ну и насчет мер безопасности... Уверен, они были соблюдены. Особые меры безопасности в случае с Пеллом. Я заверил Эйми, что ты об этом позаботилась.

Так как его последние слова не были вопросом, то и Кэтрин не сочла нужным отвечать, просто с холодной враждебностью взглянула на него.

Овербай почувствовал, что зашел слишком далеко, виновато отвел глаза и сказал:

– Уверен, что все было сделано по правилам.

И вновь ответом общее молчание.

– Ладно, теперь мне предстоит пресс-конференция. Настала моя очередь отдуваться. – Он скорчил неприятную гримасу. – Если появятся какие-то новости, дайте мне знать.

Овербай вышел из комнаты.

Ти-Джей оглядел Дэнс с ног до головы и с густым южным акцентом произнес:

– Черт возьми, значит, ты забыла запереть дверь хлева, когда пошла допрашивать коров. А я-то думал, почему они все разбежались?

О’Нил подавил усмешку.

– Не заводи меня, – пробормотала Кэтрин. Она подошла к окну и взглянула на суету во дворе. – Меня беспокоит его сообщник. Где он и что еще у него на уме?

– Кому понадобилось вытаскивать такого человека, как Дэниел Пелл, из тюрьмы? – задумчиво произнес Ти-Джей.

Дэнс вспомнила неожиданную кинесическую реакцию Пелла во время допроса при упоминании о его тетке из Бейкерсфилда.

– Думаю, тот, кто ему помогает, заполучил молоток от его тетки. Ее фамилия тоже Пелл. Нужно ее найти. – Тут она вспомнила кое-что еще. – О, у тебя ведь есть дружок в отделении ФБР в Чико?

– И что?

– Ему можно доверять? Он парень разумный?

– Мы с ним шатаемся по барам до обалдения, когда у нас есть время. Как по-твоему, это свидетельство его разумности?

– Он мог бы собрать информацию?

Дэнс протянула Ти-Джею бумажку с именем эксперта по сектам из ФБР.

– Нелегкая задачка. Он говорит, что тайных разборок в Бюро у них больше, чем в каком-либо квартале, населенном латиносами. – Ти-Джей списал имя и телефон.

О’Нилу опять позвонили, и после короткого разговора он сообщил остальным:

– Звонил начальник тюрьмы из «Капитолы». Я подумал, что нам стоит переговорить с главным надзирателем той части тюрьмы, где сидел Пелл, посмотрим, сможет ли она нам что-нибудь рассказать. Она привезет с собой и личные вещи Пелла.

– Хорошо.

– Кроме того, один из заключенных утверждает, что у него имеется какая-то информация о Пелле. Она переговорит с ним и позвонит нам.

Раздался звук лягушачьего кваканья – зазвонил телефон Кэтрин.

О’Нил поднял бровь:

– Вижу, Уэс с Мегги тоже не сидели сложа руки.

Еще одна семейная традиция, как и игрушечные животные в сумке. Дети постоянно переустанавливали рингтоны на ее телефоне.

Она нажал кнопку приема:

– Аллю?

– Это я, агент Дэнс.

Речь звонившего сопровождал громкий шум, а местоимение «я» звучало двусмысленно, но по тому, как он назвал ее имя, Кэтрин поняла, что звонит Рей Карранео.

– Что случилось?

– Никаких признаков сообщника и других взрывных устройств. Начальник службы безопасности хочет знать, нельзя ли возвращать сотрудников обратно. Пожарные уже согласились.

Дэнс посоветовалась с О’Нилом, и они решили еще немного подождать.

– Ти-Джей, выйди и помоги им в поисках. Меня очень беспокоит мысль о сообщнике.

Она вспомнила, что говорил ей отец после того, как чуть было не столкнулся с большой белой акулой в водах у северных берегов Австралии: «Акула, которая не видна, всегда опаснее той, которую видишь».

Глава 8

Рядом со зданием суда стоял крепко сбитый бородатый лысеющий мужчина лет пятидесяти, выглядевший даже, наверное, старше своих лет. Пристальным острым взглядом он окидывал тот хаос, который царил здесь. От него не ускользал никто: ни полиция, ни охрана, ни гражданские.

– Эй, офицер, привет, можно вас на минутку? Хочу задать пару вопросов... Вы не против, если я запишу вас на пленку?.. А, конечно, понимаю. Ну что ж, тогда немного позже. Конечно. Удачи.

Мортон Нэгл видел, как на землю опустился вертолет и забрал раненого полицейского.

Он наблюдал за всеми этими людьми, что занимались поисками сбежавшего преступника, за их стратегией, их лицами, и понимал, что до сих пор ничего подобного им делать не приходилось.

Нэгл наблюдал за растерянной толпой, которая вначале считала, что пожар был случайным, потом сочла все терактом, а затем, когда ей сообщили правду, пришла в такое смятение, словно на самом деле столкнулась с проделками «Аль-Каиды».

«Иначе и быть не может», – подумал Нэгл.

– Простите, у вас не найдется минутки побеседовать со мной?.. А, ну конечно. Никаких проблем. Извините за беспокойство, офицер.

Нэгл протискивался сквозь толпу. Приглаживая тонкие седые волосы, подтягивая чересчур просторные коричневые слаксы, он внимательно изучал обстановку: пожарные машины, полицейские автомобили, прожектора, свет которых пробивался сквозь туман. Нэгл поднял свою цифровую камеру и сделал еще несколько снимков.

Немолодая женщина окинула взглядом его потрепанный жилет – принадлежность рыбацкого обмундирования, с двумя десятками разных карманов – и выдавшую виды сумку для фотоаппарата.

– Что вы все-таки за народ такой, журналисты? – выпалила она. – Точно стервятники. Что вы везде свой нос суετε? Почему не даете полиции спокойно работать?

Он ухмыльнулся в ответ:

– Неужели я кому-то помешал?

– С вами бесполезно разговаривать. – Женщина отвернулась и возмущенно воззрилась на здание суда в дыму.

К нему подошел охранник и спросил, не видел ли он чего-то подозрительного.

Нэгл задумался. Станный вопрос... Словно из какого-то старого телефильма.

Только факты, мэ...

И ответил:

– Нет, ничего.

А себе самому добавил: «Ничего подозрительного для меня. Но возможно, я совсем не тот, кого следует спрашивать».

Нэгл почувствовал отвратительный запах – обожженной кожи и волос – и, как ни странно, снова весело рассмеялся.

Задумавшись над этим, он пришел к выводу, что смеется в тех ситуациях, которые большинство нормальных людей сочли бы совершенно несмешными и даже трагическими. Вот, например, в такие мгновения, разглядывая разрушения. В течение многих лет Нэгл видел массу случаев насильственной смерти, сцены, которые вызвали бы отвращение у большинства обычных людей.

Сцены, которые у самого Мортон Нэгла часто вызывали смех.

Возможно, какой-нибудь психиатр назвал бы его смех всего лишь защитным механизмом. Способом, помогавшим сдерживать тягу к насилию – предмет, с которым он был очень близко знаком, – предохранявшим от окончательного разъедания его души, хотя иногда Мортон задавался вопросом, а не является ли смех указанием на то, что распад уже произошел.

Затем полицейский сделал объявление. Скоро людям разрешат вернуться в здание суда.

Нэгл подтянул штаны, поудобнее расположил сумку с камерой на плече и еще раз оглядел толпу. Он заметил высокого молодого латиноамериканца в костюме. Явно какой-то переодетый детектив. Тот беседовал с пожилой женщиной, у которой на груди был значок присяжного заседателя. Они стояли немного поодаль от толпы.

Отлично.

Нэгл оценивающим взглядом окинул полицейского – как раз то, что нужно: молодой, наивный, доверчивый, – и начал медленно продвигаться к нему.

Расстояние между ними стало сокращаться.

Молодой человек прошел вперед, не замечая Нэгла. Его целью было расспросить как больше людей.

Когда он оказался на расстоянии примерно десяти футов, Мортон накинул ремень камеры себе на шею, открыл сумку и сунул руку внутрь.

Пять футов.

Он продолжал приближаться.

И вдруг чья-то сильная рука сомкнулась у него на предплечье. У Нэгла перехватило дыхание, и сердце пропустило один удар.

– Пожалуйста, держите руки так, чтобы я мог их видеть. – Схвативший его человек был невысокого роста, слегка суетлив, с бейджем Калифорнийского бюро расследований.

– Эй, что...

– Ш-ш-ш, – прошипел курчавый рыжеволосый полицейский. – И руки! Поняли, где они должны быть? На ви-ду... Эй, Рей!

К ним подошел тот самый латинос. На нем был точно такой же бейдж. Латинос оглядел Нэгла с ног до головы. Вдвоем они отвели его к стене здания суда, чем привлекли к себе всеобщее внимание.

– Послушайте, я не понимаю...

– Ш-ш-ш, – снова прошипел курчавый агент.

Латинос быстро ощупал Мортон и кивнул. Затем снял с груди Нэгла пропуск для представителей прессы и показал напарнику.

– Гм, – отозвался тот. – Несколько просрочен, не так ли?

– Формально, но...

– Ни много ни мало на четыре года, сэр, – заметил полицейский-латинос.

– Многовато для чистой формальности, – добавил его спутник.

– Должно быть, я по ошибке взял старый. Я работаю репортером уже...

– Значит, если мы позвоним в означенную здесь газету, нам подтвердят, что вы состоите у них в штате и направлены сюда собирать материал?

Если они позвонят в газету, им никто не ответит, так как такого номера телефона не существует.

– Послушайте, позвольте мне объяснить.

Полицейский пониже ростом нахмурился:

– Знаете, мне действительно очень хочется получить объяснение. Видите ли, я только что беседовал со здешним сторожем, который сообщил мне, что человек, очень похожий на вас, слонялся вокруг здания суда сегодня в восемь тридцать утра. Тогда здесь больше никаких репортеров не было. И понятно. Что они здесь забыли? Ведь в восемь тридцать утра отсюда

еще никто не убежал. А вот с чего бы вам пришло в голову сюда наведаться? Предчувствие горячих новостей? Это уже... как они там называют такие вещи, Рей?

– Сенсация?

– Да уж, сенсация невиданная. А потому, прежде чем вы приступите к объяснениям, пожалуйста, повернитесь и заведите руки за спину.

В комнате для совещаний на третьем этаже Ти-Джей протянул Кэтрин вещи, которые нашел у Моргона Нэгла.

Никакого оружия, никаких запалов, никаких карт здания суда или путей побега.

Только деньги, бумажник, фотокамера, диктофон и очень толстая записная книжка. Ну и конечно, три детективных книжонки с его именем на передней обложке и фотографией на задней (само собой, гораздо моложе и с шикарной шевелюрой).

– Автор криминального чтива, – пропел Ти-Джей (фраза вряд ли понравилась бы Квентину Тарантино).

В краткой биографии Нэгла характеризовали как «бывшего военного корреспондента и репортера полицейской хроники, в настоящее время пишущего детективы. Он проживает в Скоттсдейле, штат Аризона, и является автором тринадцати документальных книг. Кроме основной профессии писателя, Нэгл в числе своих увлечений называет бродяжничество и страсть к сочинению устных историй».

– Тем не менее это далеко не все объясняет, – резким тоном произнесла Дэнс. – Что вы здесь делали? Каким образом появились рядом со зданием суда перед самым взрывом?

– Уверяю вас, я даже не освещаю побег. Я прибыл сюда пораньше, чтобы взять несколько интервью.

– Не у Пелла, случаем? – спросил О’Нил. – Он их не дает.

– Нет-нет, не у Пелла. У членов семьи Роберта Херрона. До меня дошли слухи, что они прибыли давать показания большому жюри.

– А поддельный паспорт для прессы?

– Да, вы правы, прошло уже четыре года с тех пор, как я в последний раз работал на конкретную газету или журнал. С тех пор я занимаюсь только писательским ремеслом. Но без удостоверения представителя прессы вас никуда не пропустят. Правда, обычно никто никогда не смотрит на дату.

– Почти никогда, – поправил его Ти-Джей с улыбкой.

Дэнс перелистала одну из книжек. В ней говорилось об убийстве Петерсона в Калифорнии, имевшем место несколько лет назад. Книга производила впечатление добротно написанной.

Ти-Джей поднял глаза от ноутбука:

– Он чист, босс. На него ничего нет.

– Я работаю над книгой. Все вполне законно. Можете проверить.

Нэгл назвал им имя своего издателя на Манхэттене. Дэнс набрала номер крупного издательства, ей ответила женщина, которая сказала: «О, дьявол, во что еще вляпался Мортон?» Но тут же подтвердила, что Мортон подписал контракт на новую книгу о Пелле.

– Сними с него наручники, – попросила Дэнс Ти-Джея.

О’Нил повернулся к писателю и спросил:

– О чем же ваша будущая книга?

– Она совершенно не похожа ни на что из того, что вы читали раньше. Она не об убийствах, а о жертвах Дэниела Пелла. О жизни, которую они вели до убийства, и о нынешней жизни тех, кто выжил. Видите ли, в центре большинства документальных передач на телевидении и книг – сам убийца и его преступления, кровавые мрачные аспекты событий. В общем, дешевка. Я это ненавижу. Моя книга посвящена Терезе Кройтон – той самой девочке, которая

выжила, – ее родственникам и друзьям. Называться книга будет «Спящая кукла». Так когда-то прозвали Терезу. В ней также будет рассказываться и о тех женщинах, которые входили в «семью» Пелла. И о многих других его жертвах. На самом деле их сотни. Я сравниваю подобные преступления с камнем, брошенным в воду. Круги последствий могут распространяться практически до бесконечности.

Нэгл говорил с сильным чувством, голос его звучал как у проповедника.

– В мире так много насилия. Оно захлестывает нас, мы привыкаем к нему и перестаем замечать. Боже мой! Вспомните войну в Ираке! События в Газе! Войну в Афганистане! Сколько сцен со взорванными машинами и со стенающими матерями вы увидели, прежде чем потеряли к этому всякий интерес? Когда я был военным корреспондентом и освещал события на Ближнем Востоке, в Африке и в Боснии, я привык к насилию, перестал его замечать. Но вам необязательно самим попадать в гушу событий, чтобы привыкнуть к нему. То же самое рано или поздно произойдет с вами, даже если вы останетесь в своей гостиной у экрана телевизора и будете смотреть новости и современные зверские фильмы с насилием без реальных последствий для вас лично. Однако, если мы по-настоящему хотим мира, если хотим остановить насилие и бессмысленную бойню по всей планете, именно их, последствия, и должны ощутить люди. Ничего не изменится, если они будут просто тарашиться на окровавленные трупы. Их внимание необходимо переключить на то, как зло меняет человеческие жизни. Первоначально я думал сделать книгу только о деле Кройтона, но потом узнал, что Пелл убил еще одного человека – Роберта Херрона. И мне захотелось включить в свою книгу всех, кого каким-то образом затронула его гибель: друзей, родственников. А теперь я слышу, что появились две новые жертвы – два охранника. – С лица Мортон не сходила улыбка, но это была печальная улыбка, и Кэтрин Дэнс почувствовала, что как мать и следователь по особо важным преступлениям, кому постоянно приходится сталкиваться с изнасилованиями, убийствами и самой изощренной жестокостью, она понимает и поддерживает его. – Но здесь возникла еще одна сложность. Очень трудно отыскать жертв и членов семей в случае с нераскрытым преступлением. Херрона убили десять лет назад. И я подумал... – Голос Нэгла затих, он нахмурился, хотя странный блеск в глазах сохранялся. – Минутку, минутку... О господи! Пелл ведь не имеет никакого отношения к смерти Херрона, так? Ему просто нужно было выбраться из «Капитолы», так как отсюда легче совершить побег.

– Нам ничего на сей счет не известно, – задумчиво произнесла Кэтрин Дэнс. – Расследование не закончено.

Нэгл явно ей не поверил:

– Разве он не подделал улики? И не заставил кого-то солгать вам? Могу поспорить, что именно так он и сделал.

Тихим и очень спокойным голосом Майкл О'Нил произнес:

– Мы бы очень не хотели, чтобы кто-то начал распространять слухи, которые могли бы помешать следствию.

Свои требования Майкл всегда высказывал в форме не очень навязчивого предложения.

– Понял. Больше не скажу ни слова.

– Мы ценим ваше понимание, – отозвалась Кэтрин и затем спросила: – Мистер Нэгл, у вас, случайно, нет информации, которая действительно могла бы помочь следствию? Ну, к примеру, куда может направляться Дэниел Пелл, что он может замышлять? Кто ему помогает?

Со своим выпирающим животом, редкими седенькими волосами и заразительным смехом Нэгл напоминал пожилого эльфа. Он снова подтянул штаны.

– Ни малейшего представления. Извините. Я ведь на самом деле начал заниматься этим проектом примерно месяц назад. Пока я изучаю окружение Пелла.

– Кстати, вы упоминали о своих планах написать о женщинах из так называемой «семьи» Пелла. Вы с ними связывались?

– Да, с двумя из них. Я спрашивал, не согласятся ли они ответить на мои вопросы.

– Они на свободе? – спросил О’Нил.

– Конечно. Они ведь не участвовали в убийстве семьи Кройтон. Им дали небольшие сроки. В основном за мелкие кражи.

О’Нил высказал вслух мысль, которая пришла в голову Кэтрин:

– А не могла ли одна из них или даже обе стать его сообщницами в этом деле?

Нэгл задумался:

– Практически исключено. Они считают Пелла самым страшным человеком, которого когда-либо встречали в жизни.

– А кто они такие? – спросил О’Нил.

– Ребекка Шеффилд. Проживает в Сан-Диего. И Линда Уитфилд – в Портленде.

– В последнее время они не совершали никаких преступлений?

– Думаю, что нет. Мне не удалось найти никаких полицейских материалов на них. Линда живет с братом и с его женой. Работает в местной церковной общине. Ребекка занимается консультированием мелких предпринимателей. У меня сложилось впечатление, что они не хотят возвращаться к мрачному прошлому.

– У вас есть номера их телефонов?

Писатель начал листать свой толстый блокнот. У него был крупный неряшливый почерк, и потому заметки занимали очень много места.

– В его «семье» была еще одна женщина, – заметила Кэтрин, вспомнив ту информацию, которую собрала к допросу.

– Саманта Маккой. О, она исчезла много лет назад. Ребекка говорит, что она изменила имя и уехала. Ей явно надоело быть одной из «девушек Дэниела». Я, конечно, пытался ее найти, но пока безуспешно.

– И все-таки, возможно, есть какие-нибудь нити?

– Она где-то на Западном побережье. Это все, что известно Ребекке.

– Найди ее, – обратилась Кэтрин к Ти-Джею. – Саманту Маккой.

Кудрявый агент проследовал в дальний угол комнаты. «Он тоже похож на эльфа», – подумала Дэнс.

Нэгл отыскал телефоны обеих женщин, и Дэнс записала их, затем набрала номер Ребекки Шеффилд в Сан-Диего.

– «Женская инициатива», – ответил голос секретарши с легким мексиканским акцентом. – Чем можем быть полезны?

Мгновение спустя Кэтрин уже беседовала с главой компании, деловой дамой с низким дребезжащим голосом. Кэтрин посвятила ее в подробности побега Пелла. Ребекка Шеффилд была потрясена.

И возмущена.

– Мне говорили, что он находится в какой-то там супертюрьме, из которой невозможно бежать.

– Он сбежал не оттуда, а из здания суда.

Дэнс спросила, не известно ли Ребекке, куда мог направиться Пелл, кто может быть его сообщником и с какими друзьями он может вступить в контакт.

Но Ребекка не смогла ей ничем помочь. Она сказала, что вступила в «семью» всего за несколько месяцев до убийства семейства Кройтон. Тем не менее она добавила, что месяц назад ей уже звонил какой-то человек, который назвался писателем.

– Создалось впечатление, что он не врет. Однако у меня ощущение, что он имеет какое-то отношение к побегу. Его зовут Мюррей или Мортон. Кажется, у меня сохранился его номер.

– Все в порядке. Он здесь, у нас. Мы его проверили.

Относительно местонахождения и нового имени Саманты Маккой Ребекке ничего не было известно.

– Тогда, восемь лет назад, я его не выдала, – сказала она, чувствовалось, что ей тяжело было в этом признаваться, – но я сотрудничала с полицией. Как вы думаете, мне что-нибудь угрожает?

– Я ничего не могу вам сейчас ответить. Но до тех пор, пока мы его не нашли, вам желательно поддерживать контакт с полицией Сан-Диего. – Дэнс сообщила Ребекке свои номера в КБР и номер мобильного, а Ребекка пообещала ей подумать над тем, кто мог помогать Пеллу и кто может знать о том, куда он отправился.

Закончив разговор с Ребеккой, Кэтрин набрала второй номер, который оказался номером церкви Святого Братства в Портленде. Ее соединили с Линдой Уитфилд, которая также еще ничего не слышала о побеге. Однако ее реакция была совершенно иной: вначале полное молчание, затем неразборчивое бормотание. Дэнс смогла расслышать только: «Пресвятой Боже...»

Это была молитва, а не восклицание. Затем вновь воцарилось молчание.

– Алло! – произнесла Кэтрин.

– Да, я слушаю, – отозвалась Линда.

Кэтрин задала ей те же самые вопросы, которые задавала Ребекке Шеффилд.

Линда не получала никаких сообщений от Пелла в течение многих лет, хотя они поддерживали связь на протяжении полутора лет после убийства семейства Кройтон. В конце концов она прекратила переписку и с тех пор больше ничего о нем не слышала. Точно так же ей ничего не было известно о том, где находится Саманта Маккой, однако Линда тоже упомянула о звонке Мортон Нэгла. Кэтрин заверила ее, что им известно, кто он такой и что он не является сообщником Пелла.

Линда не имела ни малейшего представления о том, куда мог направиться Пелл. А также о том, кто мог быть его сообщником.

– Мы не знаем, что он замышляет, – сказала ей Кэтрин. – У нас нет особых оснований полагать, что вы находитесь в опасности, тем не менее...

– О, Дэниел никогда не причинит мне вреда, – ответила та поспешно.

– В любом случае вам следует связаться с местным отделением полиции.

– Хорошо, я об этом подумаю. – Затем добавила: – Вы уже открыли горячую линию, по которой я могла бы позвонить и узнать, как развиваются события?

– Ничего подобного мы не делали. Но представители прессы довольно оперативно освещают события. Вы сможете узнавать все подробности примерно с той же скоростью, как мы будем их получать.

– У моего брата нет телевизора.

Нет телевизора?

– Что ж, в таком случае, если произойдет действительно нечто важное, я дам вам знать. И если вы что-то еще вспомните, пожалуйста, позвоните. – Дэнс продиктовала ей номера телефонов и повесила трубку.

Через несколько мгновений в комнату вошел Чарльз Овербай:

– Пресс-конференция прошла неплохо. Правда, мне задали несколько провокационных вопросов. Их всегда задают. Но я с ними справился. Всегда на шаг опережал их. Видите?

Он кивнул на телевизор в углу. Никому не пришло в голову прибавить звук, чтобы послушать его выступление.

– Пропустили, Чарльз. Были заняты звонками по телефону.

– Кто это такой? – спросил Овербай, пристально всматриваясь в Нэгла, словно в какого-то знакомого, имя которого никак не мог припомнить.

Дэнс познакомила их, и литератор как-то мгновенно исчез из ее поля зрения.

– Есть какое-нибудь продвижение?

Взгляд на карты.

– Пока ничего, – ответила Дэнс. Затем сообщила, что созвонилась с двумя женщинами, когда-то состоявшими в «семье» Пелла. – Одна из Сан-Диего, вторая из Портленда, и в данный момент мы пытаемся отыскать третью. По крайней мере, нам удалось установить, что первые две не являются сообщницами Пелла.

– Потому что вы им поверили? – спросил Овербай. – Вы определили их невиновность по интонации?

Все присутствовавшие промолчали. Пришлось Дэнс показать шефу, что он не заметил очевидного:

– Не думаю, чтобы они смогли подложить взрывчатку и успеть вернуться домой.

Короткая пауза. Затем Овербай пробормотал:

– О, вы звонили им домой. Вы не упомянули об этом.

Кэтрин Дэнс, в прошлом репортер и консультант присяжных, хорошо знала правила статусных игр и потому, стараясь не встретиться взглядом с Ти-Джеем, ответила Овербаю:

– Вы правы, Чарльз, я забыла. Извините.

Шеф повернулся к О'Нилу:

– Очень сложное дело, Майкл. Масса всяких неожиданностей. Рад, что у тебя есть возможность оказать нам помощь.

– А я рад сделать все, что в моих силах.

Вот то лучшее, на что был способен Овербай: с помощью слов «оказать нам помощь» дать понять, кто здесь главный, и в то же время подчеркнуть, что и Управление шерифа выполняет важную функцию.

Чтобы было на кого свалить вину...

Тут Овербай сообщил, что ему нужно срочно вернуться к себе в кабинет, и вышел из комнаты.

Дэнс вновь вернулась к беседе с Мортонем Нэглom:

– У вас есть какие-нибудь материалы о Пелле, на которые я могла бы взглянуть?

– Думаю, что да. А зачем?

– Возможно, они смогут навести нас на его след, – ответил за нее О'Нил.

– У меня только копии, – сказал писатель, – оригиналов нет.

– Сойдут и копии, – заметила Дэнс. – Кто-нибудь из нас заедет к вам и заберет их. Где вас можно найти?

Нэгл сообщил им, что работает в доме, который снимает в Монтерее. Он дал Дэнс адрес и номер телефона и начал собирать сумку.

Кэтрин бросила на нее взгляд:

– Постойте!

Заметив, что ее взгляд остановился на содержимом сумки, он улыбнулся:

– Буду рад.

– Простите?

Он извлек из сумки одну из своих книг серии «Реальное преступление» под названием «Слепая вера» и поставил на ней автограф.

– Благодарю вас. – Кэтрин отложила книгу в сторону и указала на то, что ее действительно заинтересовало. – Ваш фотоаппарат. Вы делали какие-нибудь снимки сегодня утром? До пожара?

– О! – Он криво усмехнулся их общей досадной оплошности. – Да, конечно.

– Камера цифровая?

– Да.

– Нам можно их посмотреть?

Нэгл извлек «кэнон» и начал нажимать кнопки. Дэнс и О'Нил наклонились поближе, чтобы рассмотреть изображение на крошечном экранчике фотоаппарата. Дэнс почувствовала, что Майкл пользуется новым кремом после бритья. Ей всегда было удивительно легко рядом с О'Нилом.

Писатель проматывал сделанные им фотографии. На большей части из них были изображены люди, заходившие в здание суда. Было там и несколько попыток художественной фотографии с фасадом здания в тумане.

И тут Майкл и Кэтрин одновременно произнесли:

– Пойдите!

На снимке был запечатлен подъезд к тому месту, где начался пожар. За автомобилем виднелась человеческая фигура – только голова, плечи, голубая куртка, бейсболка и темные очки.

– Взгляни на руку.

Кэтрин кивнула. Создавалось ощущение, что человек тащит руку за собой, так, словно везет чемодан на колесиках.

– Время снимка отмечено?

Нэгл вызвал соответствующую функцию:

– Девять двадцать две.

– В точности подходит, – сказала Дэнс, вспомнив слова пожарного о том, когда была подложена взрывчатка.

– Вы можете увеличить изображение? – спросила она.

– На фотоаппарате, конечно, нет.

Вмешался Ти-Джей, предложивший без всяких проблем сделать это на компьютере. Нэгл передал ему карту памяти фотоаппарата, и Дэнс отправила Ти-Джея в центральный офис КБР со словами:

– И не забудь про Саманту Маккой. Ее нужно найти. А также тетку. В Бейкерсфилде.

– Само собой, босс!

Рей Карранео все еще был на улице. Он прочесывал толпу в поисках свидетелей.

Однако Дэнс была почти уверена, что сообщник тоже бежал. Теперь, когда Пелл практически миновал основные посты на дорогах, у него больше не было необходимости оставаться здесь. Поэтому она отослала в центральный офис и Рея.

– А я пойду за копиями... – предложил Нэгл. – Кстати, не забудьте. – Он протянул ей книжку с автографом. – Уверен, вам понравится.

Когда он удалился, Дэнс подняла ее со словами: «При моем-то свободном времени!» – и передала О'Нилу для его коллекции.

Глава 9

Было время обеденного перерыва, и в патио рядом с магазином «Здоровая еда» в монтерейском центре «Дель-Монте» сидела двадцатичетырехлетняя женщина.

Мало-помалу рассеивался туман, и из-за него начинал прорисовываться бледный солнечный диск.

До нее доносилось множество разнообразных звуков: воркование голубей, полицейская сирена, плач ребенка, затем смех другого ребенка. «Ангельские песни», – произнесла про себя Дженни Марстон...

Прохладный воздух наполнялся ароматом сосновой смолы. Ни малейшего ветерка. Типичный калифорнийский день на побережье, но все как будто чуть-чуть ярче, чем обычно.

Так происходит всегда, когда ты влюблена и ждешь возлюбленного.

Ожидание...

«Какая-то старая поп-песня», – подумала Дженни. Мать Дженни время от времени напевала ее прокуренным хриплым голосом. И часто сбивалась.

Блондинка, натуральная калифорнийская блондинка Дженни пила кофе, дорогой и очень хороший. Этот магазин не принадлежал к тем, в которые она часто заглядывала. Однако «Здоровая еда» был хорошим местом для свиданий.

На Дженни были облегающие джинсы, светло-розовая блузка, а под ними бюстгальтер и трусики «Виктория секрет». Подобно кофе, нижнее белье было также слишком дорогим для нее. Но есть вещи, на которые приходится тратить. (Кроме того, рассуждала Дженни, одежда была в каком-то смысле подарком для ее... бойфренда.)

Что напомнило Дженни и о других ее капризах. Она задумалась, потерев кончик носа.

«Прекрати!» – сказала она себе.

Однако не прекратила.

Ангельские песни...

Почему бы ей не встретить его на год позже? К тому времени она успела бы сделать косметическую операцию и была бы красива. По крайней мере, обязательно подкорректировала бы форму носа и груди. Конечно, больше всего Дженни хотелось подправить слишком костлявые плечи и мальчишеские бедра, но это не под силу даже многочисленным талантам сверхгениального доктора Гинзберга.

Худышка, худышка, худышка... А притом ешь-то сколько! В два раза больше, чем я. А посмотри на меня. Бог дал мне такую дочь в качестве испытания.

Наблюдая за хмурыми женщинами, толкающими тележки с покупками к семейным фургонам, Дженни думала, а любят ли они своих мужей? Конечно, настолько, насколько она любит своего парня, они любить их не могут. И ей стало жаль несчастных.

Дженни допила кофе, вернулась в магазин и стала разглядывать громадные ананасы, кочанчики салата самых причудливых форм и идеально расставленные по полкам бифштексы и отбивные. Больше всего времени она провела за разглядыванием выпечки всякого рода. Дженни смотрела на нее так, как художник смотрит на полотна соперников. Ну что ж, совсем недурно... А это плохо. Она не была голодна и не хотела ничего покупать – здесь все было очень дорого. Дженни просто слишком сильно волновалась, чтобы сидеть на одном месте.

Вот как мне следовало бы назвать тебя. Дженни Стоп. Ради бога, девчонка. Сядь, посиди спокойно.

Она шла, разглядывая продукты, мясные ряды.

Разглядывая жен отвратительно скучных мужей.

Дженни задумалась: а может быть, сила того чувства, которое она испытывает к своему бойфренду, объясняется всего лишь новизной. Не померкнет ли оно со временем? Однако у

нее был один важный плюс: Дженни вышла из подросткового возраста, и ее нынешнее чувство уже никак нельзя было назвать девичьим увлечением. Он и она – взрослые люди. И самым важным в их отношениях была духовная связь, которая так редко встречается в жизни. Каждый знал в точности, что чувствует другой.

– Твой любимый цвет – зеленый, – сказал он ей во время их первой беседы. – Могу поспорить, ты спишь под толстым зеленым одеялом. Этот цвет успокаивает тебя по ночам.

О господи, он оказался прав! Только одеяло было не толстое. Но зеленое, как трава. Потрясающая интуиция!

Внезапно она остановилась, услышав обрывки разговора. Две скучающие домохозяйки вдруг вышли из своего обычного ступора и преисполнились необычного волнения.

– Кого-то убили. В Салинасе. Только что.

«В Салинасе?» – подумала Дженни.

– Там, кажется, кто-то сбежал из тюрьмы. Да-да, я только что слышала.

– Дэвид Пелл, нет, Дэниел Пелл. Точно.

– Это, случайно, не Сын Мэнсона?

– Не знаю. Но слышала, что он убил нескольких человек.

– На самом деле он не сын Чарльза Мэнсона. Он просто так себя называл.

– А кто такой Чарльз Мэнсон?

– Ты что, издеваешься? Не помнишь Шэрон Тейт?

– Кого?

– Когда ты родилась?

Дженни подошла к беседующим женщинам:

– Простите, о чем вы говорите? О чем-то побеге?

– Да, из тюрьмы в Салинасе. Разве вы не слышали? – спросила одна из домохозяек, женщина с короткой стрижкой, пристально глядя на нос Дженни.

Дженни было наплевать.

– Вы говорили, что кто-то убит?

– Несколько охранников, и потом еще кого-то похитили и тоже в конце концов убили.

Больше они ничего не знали.

С влажными от волнения ладонями и тяжелым сердцем, Дженни повернулась и вышла на улицу. Проверила телефон. Бойфренд звонил ей некоторое время назад, но с тех пор ничего. Никаких сообщений. Она попыталась набрать его номер. Никто не ответил.

Дженни вернулась в свой бирюзовый «тандерберд». Настроила радио на новостную станцию, повернула к себе зеркало заднего обзора, вытащила из сумочки косметичку.

Он убил нескольких человек...

Не волноваться, сказала она себе. Мать научила Дженни работать над собственным лицом. И она была ей за это очень благодарна.

Светлое положи сюда, а здесь пусть будет потемнее. Нам же надо что-то сделать с твоим носом. Немного смягчить впечатление от него, скрыть все излишества. Хорошо.

Хотя в случае с ее матерью все могло быть испорчено в одно мгновение.

Ты выглядела прекрасно, пока сама все не испортила. Честное слово, что с тобой такое? Начинать сначала. Ты похожа на шлюху.

Дэниел Пелл шел по дорожке, которая вела от небольшого гаража к офисному зданию в Монтерее.

Пришлось бросить «хонду» Билли раньше, чем он планировал. Из новостей Пелл узнал, что полиция нашла пустой фургон «Уорлдуайд экспресс», а это значит, что очень скоро они поймут, что он едет в «хонде». Ему как раз вовремя удалось уйти от дорожных патрулей.

Ну как, Кэтрин?

Пелл шел по дорожке, низко опустив голову. Его пока не пугала возможность оказаться среди людей. Никто не ожидает его появления здесь. Пелл был гладко выбрит. Бросив машину Билли, он зашел во двор какого-то мотеля, порылся в мусорном баке и отыскал там выброшенную бритву и небольшую бутылочку лосьона. Встав на колени у мусорного бака, Пелл сбрил бороду.

Бритой щекой он ощутил свежее дуновение ветерка, запах океана и водорослей. Впервые за многие годы. Пелл так любил этот запах. В «Капитоле» ты вдыхаешь тот воздух, который нагнетается в камеру через кондиционеры или нагревательные системы, и он не имеет запаха.

Мимо проехала полицейская машина.

Держись твердо...

Пелл изо всех сил старался не ускорять шаг, не оглядываться и никуда не сворачивать. Любые перемены в поведении мгновенно привлекают внимание, что сразу ставит вас в уязвимое положение. Люди получают возможность получить о вас информацию. Они могут понять, почему ваше поведение изменилось, а затем воспользоваться этим знанием против вас.

Нечто подобное произошло с ним в здании суда.

Кэтрин...

Пелл заранее спланировал свое поведение во время допроса. Он собирался, если возможно, не вызывая подозрений, получить от допрашивавшего определенную информацию, к примеру узнать, сколько человек охраняет здание суда и где они находятся.

Но, к его полнейшему недоумению, Кэтрин Дэнс вплотную подошла к раскрытию его плана.

А теперь давайте перейдем к бумажнику. Откуда он попал в колодец?..

Он был вынужден изменить планы. И срочно. Он сделал все, что мог, но по звуку сирены понял, что Кэтрин разгадала его намерения. Если бы она сделала это пятью минутами раньше, он бы уже сидел в тюремном фургоне «Капитолы». И его план полностью провалился бы.

Кэтрин Дэнс...

Мимо быстро проехала еще одна полицейская машина.

Пока на него никто не обращает внимания. Пелл продолжал свой путь. Но он прекрасно понимал, что из Монтерея нужно как можно скорее убираться. Он проскользнул в забитый до отказа торговый центр под открытым небом. Окинул взглядом магазины: «Мейсис», «Мервинс», совсем маленькие, торгующие сладостями, книгами (Пелл обожал книги и пожирал их в огромных количествах, понимая: чем больше ты знаешь, тем большей силой обладаешь), видеоиграми, спортивным инвентарем, дешевой одеждой и бижутерией. Здесь не протолкнуться. Был июнь, и в большинстве школ занятия уже закончились.

Вот из магазина вышла девушка, по виду старшеклассница, с сумкой через плечо. Под курткой обтягивала красная майка. Стоило Пеллу бросить взгляд на нее, и он почувствовал, как все в нем напряглось. Ощущение, которое невозможно спутать ни с каким другим. В последний раз ему удалось запугать одного эка и, подкупив охранника, заняться любовью с женой эка в «Капитоле». Это было год назад, очень, очень давно...

Пелл не отрываясь смотрел на девушку, следовал за ней на расстоянии всего нескольких шагов, восторгаясь красотой ее волос, упругими линиями облегающих джинсов, пытаясь ощутить ее запах и даже коснуться ее мимоходом, что могло рассматриваться как нападение в не меньшей степени, чем если бы он затащил девушку в темный переулок и, приставив нож, заставил ее раздеться.

Изнасилование, как хорошо было известно Дэниелу Пеллу, – это только юридический термин, не более.

Однако девушка вошла в другой магазин и исчезла из его жизни.

«Настоящая потеря для меня, – подумал он. – Но конечно же, не для тебя, милашка».

На стоянке Пелл заметил голубой, бирюзовый «тандерберд». Внутри сидела женщина, расчесывавшая длинные белокурые волосы.

А-а...

Он подошел ближе. Нос большой и бугристый, а сама худая и плоская. Однако и это не угасило пыл его желаний. Оно росло, угрожая в любое мгновение взорваться.

Дэниел Пелл оглянулся по сторонам. Вроде поблизости никого.

Он направился к ней через ряды машин.

Дженни Марстон закончила причесываться. В себе она больше всего любила волосы, считая их самым привлекательным из того, чем ее наградила природа. Они были блестящие и густые, и, когда она поворачивала голову, волосы рассыпались по плечам, как у тех моделей, что рекламируют шампуни на телевидении. Дженни передвинула зеркало заднего обзора в нормальное положение. Выключила радио. Прикоснулась к носу.

Нет, с этой дурной привычкой надо кончать!

Она протянула руку к ручке дверцы. Дыхание перехватило – та открывалась сама собой.

Дженни застыла, уставившись на жилистого мужчину, заглядывавшего к ней в машину.

В течение трех или четырех секунд ни он, ни она не двигались. Затем Пелл распахнул дверцу настежь.

– Ты само очарование, Дженни Марстон! – воскликнул он. – Гораздо красивее, чем я предполагал.

– О Дэниел.

Захваченная ураганом противоречивых эмоций – страхом, чувством облегчения, вины и еще чем-то не столь определенным, – Дженни Марстон не смогла придумать ничего большего. Задохнувшись от счастья, она выскочила из машины и бросилась в объятия своего бойфренда. Дрожа всем телом, она прижала его к себе с такой страстью, что из узкой груди Пелла вырвалось нечто похожее на хрип.

Глава 10

Они вернулись в машину. Дженни прижалась головой к шее Дэниела, а тот тем временем внимательно оглядывал стоянку и дорогу вокруг.

Дженни думала о том, каким сложным был для нее последний месяц: она завязывала отношения с мужчиной по электронной почте, посредством редких телефонных звонков и фантазии, так как до сих пор ни разу не видела своего возлюбленного. И тем не менее почему-то была уверена, что только так может возникнуть настоящая любовь – на расстоянии. Так поступали женщины во время Второй мировой войны, примерно в таком же ключе рассказывала ей мать о своих отношениях с отцом Дженни во время войны вьетнамской. Конечно, как потом она выяснила, все это было ложью от начала и до конца. Однако основной урок Дженни усвоила: любовь прежде всего единение двух душ, а потом уже секс. То, что она чувствовала по отношению к Дэниелу Пеллу, не было похоже ни на что из того, что она переживала прежде.

Восторг.

И ужас.

Она почувствовала, что к глазам подступают слезы. Нет, нет, не надо. Нельзя плакать. Ему не понравится, если она расплачется. Мужчин раздражают женские слезы.

Но он только тихо спросил:

– Что случилось, любимая?

– Просто я очень счастлива.

– Ну, давай расскажи мне о своем счастье.

Нет, в его голосе совсем не слышно раздражения.

Дженни задумалась на мгновение, а затем сказала:

– Я волновалась. В бакалейном отделе. Было несколько женщин. Потом я включила новости. И услышала... что кто-то получил сильные ожоги. Полицейский. И еще два человека были убиты, зарезаны.

Дэниел объяснил ей, когда просил у нее нож, что он ему нужен, только чтобы припугнуть охрану. Он не хочет никому причинять вреда.

– Что? – рявкнул он. Его голубые глаза сделались холодными и жестокими.

«Что ты делаешь? – спросила себя Дженни. – Ты ведь раздражаешь его! Зачем ты спросила его об этом? Вот ты все и испортила». Ее сердце бешено заколотилось.

– Вот опять! Они всегда так поступают! Когда я уходил, никто не пострадал. Я был очень осторожен! Я ушел через пожарный выход, так, как мы планировали, и захлопнул дверь. – Он кивнул. – Я знаю... конечно. В камере рядом с моей были и другие заключенные. Они хотели, чтобы я помог им бежать, но я не стал. Могу поспорить, что там начались беспорядки, и, когда охрана попыталась их успокоить, наверное, те двое и погибли. У некоторых из заключенных явно были заточки. Знаешь, что это?

– Нож, верно?

– Самодельный нож. Так, скорее всего, и случилось. И если кто-то получил ожоги, то исключительно по собственной неосторожности. Я был очень внимателен. Когда я проходил через огонь, вокруг меня никого не было. И как я мог один справиться с тремя людьми? Полнейшая нелепость! Но конечно, полиция и журналисты во всем обвиняют меня. Как всегда. – Его худощавое лицо покраснело от гнева и возмущения. – Неудивительно, ведь я не могу им ответить.

– Так же, как с той семьей восемь лет назад, – робко напомнила Дженни, пытаясь успокоить его.

Дэниел рассказывал ей, как он с другом пошел домой к Кройтонам, чтобы обсудить с компьютерным гением одну интересную идею. Однако, когда они прибыли туда, его другу при-

шло в голову совсем иное: ограбить семейную пару. Он сбил Дэниела с ног, а сам стал одного за другим убивать членов семьи. Дэниел пришел в себя и попытался остановить его. В конце концов Дэниел был вынужден в целях самообороны убить друга.

– Они все свалили на меня. Потому что всем известно, как в полиции не любят, когда гибнет убийца. Приходит какой-нибудь чувак в школу, открывает стрельбу, убивает учеников, а потом самого себя. Нет, нам нужен плохой парень живым. Нам нужно на кого-то свалить вину. Такова человеческая природа.

Он прав, размышляла Дженни. Она почувствовала некоторое облегчение, но все еще немного побаивалась, ведь она рассердила его.

– Извини, любимый. Мне не следовало об этом напоминать.

Она думала, что он прикажет ей заткнуться, может быть, даже выгонит из машины. И была потрясена, когда Пелл улыбнулся и погладил ей волосы.

– Ты можешь задавать мне любые вопросы.

Она снова обняла его. Почувствовала, что по щекам все равно текут слезы, и поспешно смахнула их. Вместе с косметикой. Дженни с ужасом уставилась на свои пальцы. О нет! Она ведь так хотела быть красивой для него.

Страхи вернулись к ней, обычные мучительные страхи.

О Дженни, неужели ты действительно думаешь, что тебе идет такая прическа? В самом деле? Тебе не нравится челка? Но она прикрыла бы твой слишком высокий лоб.

А что, если она не оправдывает его ожиданий?

Дэниел Пелл взял ее лицо в свои сильные руки:

– Любимая, ты самая красивая женщина на всей земле. Зачем тебе косметика?

Он проник в самые сокровенные ее мысли.

Дженни снова заплакала:

– Я так боялась, что не понравлюсь тебе.

– Не понравишься? Детка, я люблю тебя. Ты помнишь, какое письмо я послал тебе по электронной почте?

Дженни помнила каждое слово из написанных им. Она посмотрела Пеллу в глаза и погладила его руки:

– О, какой ты красивый! Какой замечательный!

Дженни прижалась губами к его губам. Несмотря на то что в ее фантазиях они занимались любовью минимум раз в день, это был их первый реальный поцелуй. Она ощутила на губах его зубы, его язык. Ей показалось, что поцелуй их длился вечность, хотя на самом деле вряд ли занял больше одной секунды. Дженни утратила чувство времени. Она страстно желала, чтобы он вошел в нее, и все плотнее прижималась к нему, слыша биение его сердца.

Любовь должна начинаться в душах, но и тела нужно подключать как можно скорее. Ее рука скользнула по его обнаженной мускулистой ноге.

Дэниел рассмеялся:

– Послушай, любимая, может быть, нам лучше выйти отсюда?

– Конечно, как хочешь.

– У тебя с собой тот телефон, на который я тебе звонил?

Дэниел просил ее приобрести за наличные три сотовых телефона. Дженни протянула ему тот, по которому разговаривала с Пеллом сразу после побега. Он вскрыл его, вынул аккумулятор и сим-карту, выбросил их в урну и вернулся в автомобиль.

– Остальные?

Дженни вынула и их. Один Пелл протянул ей, а второй положил себе в карман.

– Нам следует... – начал он.

Где-то неподалеку взвыла сирена. Оба застыли.

«Ангельские песни», – подумала Дженни, затем двенадцать раз прочла мантру на удачу.

Сирены затихли вдали.

– Пошли, любимая.

– Они могут вернуться.

Она кивнула в ту сторону, откуда доносился звук сирен.

Дэниел улыбнулся:

– Меня они не пугают. Я просто хочу остаться наедине с тобой.

Дрожь блаженства пробежала по спине Дженни. Настолько сильная, что ей даже стало чуть-чуть больно.

Западное отделение центрального управления Калифорнийского бюро расследований, в котором работали десятки следователей, представляло собой двухэтажное современное здание, расположенное рядом с шоссе № 68 и мало чем отличавшееся от других таких же зданий вокруг него. Функциональные коробки из стекла и бетона, где находились приемные врачей, адвокатские конторы, архитектурные фирмы, компьютерные компании и тому подобное. Все вокруг сияло идеальной чистотой и навевало нестерпимую скуку. Автомобильные стоянки, как правило, были наполовину пусты. Вдали простирались живописные холмы, в данный момент ярко-зеленые благодаря недавно прошедшему дождю. А когда наступала засуха, холмы становились по-колорадски коричневыми.

Самолет «Юнайтед экспресс» накренился и скрылся за вершинами деревьев, заходя на посадку в аэропорту полуострова Монтерей.

Кэтрин Дэнс и Майкл О’Нил находились в зале для совещаний КБР на первом этаже прямо под кабинетом Кэтрин. Они стояли рядом, глядя на большую карту, на которой были отмечены дорожные посты, на сей раз иголочками, а не бумагой для заметок с энтомологической символикой. Никаких признаков «хонды» водителя «Уорлдуайд экспресс» пока обнаружено не было, и дорожные посты пришлось продвинуть еще дальше миль на восемьдесят.

Кэтрин Дэнс взглянула на квадратное лицо О’Нила и прочла на нем сложную смесь озабоченности и суровой решимости. Она знала О’Нила очень хорошо. Познакомились они много лет назад, когда Кэтрин еще работала консультантом по отбору присяжных и в ходе предварительной проверки изучала особенности характера и поведения претендентов на места присяжных, на основании чего в дальнейшем рекомендовала адвокатам, кого из них принять, а кого отвергнуть. Федеральная прокуратура пригласила ее для отбора присяжных во время процесса «РИКО», на котором в качестве главного свидетеля выступал О’Нил. (Как это ни странно, и своего покойного мужа Кэтрин встретила при сходных обстоятельствах. Она, будучи репортером, освещала процесс в Салинасе, а он был свидетелем обвинения.)

Дэнс и О’Нил сразу стали друзьями и сохраняли дружеские отношения на протяжении многих лет. Когда она перешла на работу в региональное отделение КБР, то стала часто сталкиваться с Майклом по службе. У Кэтрин появилось два наставника: Стэн Фишбурн, тогда руководитель отделения, и О’Нил. От него за шесть месяцев Кэтрин узнала об искусстве следствия гораздо больше, чем за все годы, потраченные на теоретическое обучение. Они превосходно дополняли друг друга. Спокойный и решительный, он предпочитал традиционные полицейские методы: криминалистику, тайные операции, наблюдение, работу с информаторами. Специальностью Дэнс был психологический анализ и проведение допросов.

Кэтрин прекрасно понимала, что никогда не стала бы тем солидным агентом, каким она считалась сегодня, без помощи О’Нила. Без его юмора и терпения (и множества других необходимых талантов, как, например, умения тактично напомнить ей о необходимости принять драматин перед выходом на его яхте в открытый океан).

Несмотря на то что их подходы к работе и способности очень различались, Кэтрин и Майкл обладали сходной интуицией и были как будто настроены на волну друг друга. Ей было приятно чувствовать, что, глядя на карту, он воспринимает сигналы, идущие от нее.

– Что случилось? – спросил О’Нил.

– Что ты имеешь в виду?

– Что-то тебя беспокоит. И не только то, что тебя сделали боссом в этом деле.

– Да, ты прав. – Кэтрин задумалась на минуту. У О’Нила было еще одно достоинство: он умел заставить ее привести в порядок бессвязные мысли, прежде чем высказывать их вслух. – У меня какое-то дурное предчувствие насчет Пелла. Возникло ощущение, что гибель охранников ничего для него не значила. И то, что случилось с Хуаном. И с водителем «Уорлдуайд экспресс». Он ведь, наверное, тоже мертв.

– Думаю, что да... Ты полагаешь, Пелл одержим манией убийств?

– Нет, вовсе не манией. Видишь ли, он руководствуется минутными интересами, какими бы мелкими они ни были, и делает все ради их удовлетворения. Из-за этого очень трудно предсказать его дальнейшие действия. Впрочем, будем надеяться, что я ошибаюсь.

– Ты никогда не ошибаешься, босс.

Появился Ти-Джей с ноутбуком в руках. Он поставил его на старенький ободранный стол под табличкой «Самые опасные преступники, находящиеся в розыске». Под табличкой находились десять фотографий упомянутых личностей, великолепно отражавшие этнический состав штата: мексиканцы, англосаксы, азиаты и негры.

– Ты нашел Маккой или тетку Пелла?

– Пока нет. Мои люди идут по следу. Однако у меня кое-что есть. Посмотри-ка на это.

Он включил компьютер.

Они склонились над экраном, на котором была увеличенная в несколько раз фотография, сделанная Мортоном Нэглom. Теперь на ней была видна фигура в джинсовой куртке, двигавшаяся по дорожке, которая вела к задней части здания – туда, где произошел взрыв. Позади маячил большой черный чемодан.

– Женщина? – спросил О’Нил.

Они могли судить о росте изображенного на фотографии человека, сравнивая его со стоящим рядом автомобилем. Примерно одного роста с Дэнс. Хотя заметно тоньше. Из-за кепки и солнцезащитных очков не видно лица, но через окно машины видны бедра, немного шире стандартных бедер мужчины такого роста.

– И вот здесь мерцание. Видите? – Ти-Джей постучал по экрану. – Сережка.

Дэнс бросила взгляд на дырочку у него в ухе, где иногда появлялся бриллиант или металлический штифт.

– Исходя из статистики, – попытался подкрепить свой вывод Ти-Джей.

– Ладно, соглашусь.

– Блондинка, примерно пять футов шесть дюймов ростом, – подвел итог О’Нил.

Внезапно Кэтрин в голову пришла идея. Она позвонила Рею Карранео в его офис наверху и попросила зайти к ним.

Мгновение спустя появился Рей:

– Агент Дэнс.

– Поезжай обратно в Салинас и поговори с менеджером компании по франчайзингу. – Сообщница, скорее всего, совсем недавно заходила в «Уорлдуайд экспресс». – Попробуй узнать, не помнит ли кто-нибудь женщину с такой внешностью. Если да, сделай ее портрет на EFIS.

EFIS, электронная система идентификации лиц, – компьютерная версия старых методов, использовавшихся следователями для воспроизведения внешности подозреваемых на основании свидетельских показаний.

– Да, конечно, агент Дэнс.

Ти-Джей нажал несколько клавиш, и в офисе Карранео заработал принтер. Рей заберет распечатку у себя.

Зазвонил телефон Ти-Джея.

– Да. – В ходе короткого разговора он сделал несколько записей, заканчивавшихся словами: «Люблю тебя, дорогой». – Специалист по статистике из Сакраменто. По имени Бритни. Мне очень нравится это имя. Очень милое. Однако чересчур милое, на мой вкус. Как-то оно между нами не срабатывает.

Дэнс подняла бровь, что значило: «Переходи к сути».

– Я подключил ее к делу об исчезнувшем члене «семьи». Как оказалось, пять лет назад Саманта Маккой изменила свое имя на Сару Монро. Поэтому ей, как видите, не пришлось менять белье с монограммами. А потом три года назад женщина с упомянутым именем выходит замуж за Рональда Старки. Вот тут-то с монограммой будет посложнее. Как бы то ни было, живут они в Сан-Хосе.

– Ты уверен, что говоришь о той самой Маккой?

– То есть о настоящей Маккой? Мой дорогой босс, мы имеем дело со старым добрым Соцстрахом, а у них с документацией все в идеальном порядке.

Дэнс позвонила в справочную и получила адрес и телефонный номер Рональда и Сары Старки.

– Сан-Хосе, – заметил О’Нил, – это довольно близко.

В отличие от двух других женщин из «семьи» Пелла, с которыми Дэнс сегодня разговаривала, Саманта могла подложить взрывчатку и за полтора часа вернуться домой.

– Она работает? – спросила Кэтрин.

– Я не проверял. Но если хочешь, узнаю.

– Мы хотим, – вмешался О’Нил.

Ти-Джей не подчинялся ему, и в хорошо структурированной иерархии правоохранительных органов Управление шерифа занимало значительно более низкое положение, нежели КБР. Однако просьба, исходившая от Майкла О’Нила, по значимости не уступала просьбе самой Кэтрин Дэнс. А возможно, была даже важнее.

Через несколько минут Ти-Джей вернулся и сообщил, что в налоговой службе имеются сведения, что Сара Старки работает в небольшом издательстве учебной литературы в Сан-Хосе.

Дэнс получила номер телефона.

– Посмотрим, была ли она на работе сегодня утром.

– И как ты собираешься это выяснить? – спросил О’Нил. – Мы ведь не можем допустить, чтобы она поняла, что мы ее подозреваем.

– О, я солгу, – весело провозгласила Кэтрин. Она позвонила издателю по линии с блокировкой идентификации номера. Когда ей ответил женский голос, Дэнс произнесла в трубку: – Привет. Звонят из бутика «Эль-Камино». У нас заказ для Сары Старки. Но шофер заявил, что ее на работе сегодня утром не было. Вы не знаете, в котором часу она появится?

– Сара? Боюсь, вы ошибаетесь. Она в офисе с восьми тридцати.

– В самом деле? Ну что ж, мне придется еще раз побеседовать с водителем. Возможно, нам лучше доставить заказ ей домой. Пожалуйста, ничего не говорите миссис Старки. Я буду вам очень благодарна. Это сюрприз. – Дэнс повесила трубку. – Она все утро была на работе.

Ти-Джей заплодировал:

– И «Оскар» в номинации за лучший обман публики сотрудником правосудия достается...

О’Нил нахмурился.

– Не одобряешь мои аморальные методы? – спросила Кэтрин.

С характерной для него иронией О’Нил ответил:

– Вовсе нет. Просто тебе придется ей что-нибудь послать. Ведь у Сары на работе теперь все будет говорить о появлении у нее тайного обожателя.

– Я придумал, босс. Пошли ей громадный букет с запиской: «Наши поздравления с наличием великолепного алиби!»

Административный помощник Кэтрин – невысокая, серьезная Мэри-Элен Кресбах вошла в комнату с кофе для всех присутствующих (Мэри-Элен никогда не дожидалась просьб Кэтрин и всегда приносила ей кофе внезапно). Мать троих детей, она ходила на высоченных каблуках, стучавших, как целая рота солдат, обожала экстравагантные прически и яркий маникюр.

Собравшиеся в совещательной комнате поблагодарили ее. Кэтрин сделала глоток великолепного кофе и подумала: как жаль, что Мэри-Элен не догадалась принести еще и пирожные, что лежали у нее на столе. Она так завидовала способности Мэри-Элен быть одновременно и великолепной домохозяйкой, и самым лучшим ассистентом, который когда-либо был у Кэтрин.

Она заметила, что Мэри-Элен не уходит.

– Я не знала, стоит ли вас беспокоить, но дело в том, что звонил Брайан.

– Звонил?

– Он сказал, что, скорее всего, вы не получили сообщение, которое он посылал вам в пятницу.

– Вы же мне его отдавали.

– Знаю. Но я ему не стала об этом говорить.

Почувствовав на себе пристальный взгляд О’Нила, Дэнс произнесла:

– Ладно, спасибо.

– Вам нужен его номер?

– У меня он есть.

– Превосходно.

Ассистентка продолжала с решительным видом стоять перед начальницей, медленно кивая, – довольно неловкая ситуация.

Дэнс очень не хотелось заводить разговор о Брайане Гундерсоне.

Телефонный звонок спас ее.

Она подняла трубку, несколько секунд слушала, а затем сказала:

– Пусть его прямо сейчас приведут ко мне в кабинет.

Глава 11

Крупный мужчина в форме Калифорнийского управления исправительными учреждениями сидел перед столом Дэнс. На столе лежали разные ручки, масса бумаг, фотографии: двоих детей, Дэнс с красивым седовласым мужчиной, ее родителей, двух собак – и вместе, и поодиночке в компании с одним из детей. Рядом с лампой расположилась дюжина папок лицевой стороной вниз.

– Ужас, просто ужас! – с отчаянием воскликнул Тони Уотерс, старший охранник из «Капитолы». – Слов нет.

Дэнс отметила его произношение, характерное для выходцев из Юго-Восточной Азии. Полуостров Монтерей привлекал людей со всего света. В данный момент Дэнс и Уотерс были одни. Майкл О’Нил просматривал полученные данные криминалогической экспертизы.

– Вы отвечали за ту часть тюрьмы, где находился Пелл? – спросила Дэнс.

– Да. – Здоровенный детина опустил плечи и подался вперед.

«Ему уже далеко за пятьдесят», – подумала Кэтрин.

– Пелл говорил вам что-нибудь относительно того, где он хотел бы оказаться?

– Нет, мэм. С тех пор как это случилось, я постоянно роюсь в памяти. Как только до меня дошло известие, я сразу стал вспоминать. Сел и начал перебирать в памяти все, что он говорил за последнюю неделю и раньше. Но так ничего и не вспомнил. Дэниел вообще был мужик неразговорчивый. По крайней мере с нами, с надзирателями.

– Много ли времени он проводил в библиотеке?

– Очень, очень много, мэм. Читал постоянно.

– И можно узнать что?

– У нас такие записи не ведутся. И заключенным не разрешается выносить книги из библиотеки.

– Посетители к нему какие-нибудь приходили?

– За последний год никто.

– А телефонные звонки? Они регистрируются?

– Да, мэм. Но не записываются. – Он задумался. – Да и звонили ему не так часто, если не считать журналистов, желающих взять интервью. Он им никогда не отвечал. Один раз или два он беседовал с теткой. Других звонков не припомню.

– А компьютер, электронные письма?

– Заключенным запрещено ими пользоваться. Конечно, компьютеры у нас есть, для сотрудников. Они находятся в контрольной зоне. К соблюдению указанных правил мы относимся очень строго. Вы знаете, я думал о том, каким образом ему удалось установить связь с кем-то за пределами тюрьмы...

– И он, как вы понимаете, вне всяких сомнений, это сделал, – заметила Кэтрин.

– Верно. Только через какого-то вышедшего на свободу другого зэка. Именно их и нужно проверить.

– Я думала о такой возможности. И беседовала с вашим начальником. Она заявила, что за последний месяц на свободу было выпущено только двое заключенных, и надзирающие за ними сотрудники полиции утверждают, что у обоих на сегодняшнее утро имеется убедительное алиби. Хотя, конечно, они могли передать сообщение кому-то еще. Мы проверяем и такой вариант.

Дэнс обратила внимание на то, что Уотерс прибыл с пустыми руками, и спросила:

– Вам передали нашу просьбу о предоставлении вещей из его камеры на экспертизу?

Охранник мгновенно помрачнел и опустил голову, покачав ею.

– Да, мэм. Но камера пуста. В ней вообще ничего нет. И по-видимому, пуста уже на протяжении как минимум двух дней. – Он поднял голову и плотно сжал губы, так, словно упорно размышлял над чем-то, затем снова опустил глаза и произнес: – Я просто не понимаю.

– Чего вы не понимаете?

– Дело в том, что я работал в нескольких разных местах: в «Q», в Соледаде, в Ломпоке. Да и в полудюжине других. Мы учимся обращать внимание на определенные вещи. Видите ли, если намечается что-то серьезное, камеры меняются. Начинают исчезать разные вещи. Иногда это возможные свидетельства того, что кто-то из заключенных собирается совершить побег, иногда свидетельства какого-то другого нарушения правил, которое он хотел от нас скрыть. Ведь он прекрасно понимает, что впоследствии мы пройдемся по его камере с микроскопом.

– Однако в случае с Пеллом, как вы полагаете, все произошло совсем по-другому. Он ничего не выбрасывал?

– Из «Капитолы» никто никогда не совершал побега. Побег оттуда просто невозможен. За заключенными ведется постоянное пристальное наблюдение, так что практически невозможно, чтобы один заключенный напал на другого и, предположим, убил его. – Лицо охранника побагровело. – Мне самому следовало быть внимательнее. Если бы это происходило в Ломпоке, я бы сразу понял, что дело неладно. – Он протер глаза. – В общем, я облажался.

– Ну знаете, вы слишком строги к себе, – возразила Дэнс. – Надо быть невероятно прощательным, чтобы по способу уборки в камере сделать вывод о готовящемся побеге.

Охранник пожал плечами, внимательно рассматривая свои ногти. На одном из его пальцев Кэтрин заметила след от обручального кольца. Она подумала, что он не носит его не потому, что когда-то уличил жену в неверности, а просто потому, что на службе это не очень удобно. Наверное, если постоянно вращаешься среди опасных преступников, не стоит искать их дорогими вещами.

– Создается впечатление, что у вас очень большой опыт работы в исправительных учреждениях.

– Да, я довольно давно в них работаю. Сразу после армии. – Он провел рукой по волосам, улыбаясь. – Иногда кажется, что я в тюрьмах уже целую вечность. А иногда – что только вчера пришел. Мне до пенсии всего два года осталось. Не поверите, но я буду скучать.

Охранник немного расслабился, почувствовав, что никто не обвиняет его в неспособности предотвратить побег.

Кэтрин спросила о семье, о том, где он живет. Да, он женат, в доказательство охранник со смехом поднял левую руку. Она не ошиблась в своем выводе относительно обручального кольца. У них с женой двое детей. Оба скоро будут учиться в колледже, сообщил он с гордостью.

Однако, пока они так свободно и дружелюбно беседовали, в душе Кэтрин росла тревога. Она вдруг поняла, что столкнулась с очередной непредвиденной проблемой.

Тони Уотерс ей лгал.

Часто ложь проходит незамеченной просто потому, что человек, которому лгут, не ожидает, что его могут обмануть. Дэнс попросила Уотерса всего лишь предоставить ей информацию по Дэниелу Пеллу, поэтому разговор велся не в режиме допроса. Если бы Уотерс был подозреваемым или враждебно настроенным свидетелем, она стала бы искать признаки стресса в его поведении и ответах, а затем начала бы углубляться в стрессогенные темы, пока охранник не сознался бы во лжи и в конце концов не сказал правду.

Названная процедура срабатывает только в том случае, если сразу же до начала задавания «чувствительных» вопросов определяется базовое нелживое поведение объекта анализа. Однако Дэнс ничего подобного не сделала, так как не предполагала, что охранник будет ей лгать.

Но, даже не имея возможности сравнивать с базовым уровнем поведения, проницательный и опытный эксперт в кинесике способен иногда определить ложь. Две основные характеристики почти всегда свидетельствуют о лжи. Первая – незначительное повышение тона голоса, так как необходимость лгать у большинства людей вызывает особую эмоциональную реакцию, а эмоции заставляют голосовые связки напрягаться. Вторая – наличие пауз перед и во время ответов, так как ложь требует и определенного умственного напряжения. Лжец вынужден постоянно держать в поле внимания то, что уже говорилось по данному вопросу, и придумывать нечто фантастическое, но не противоречащее тому, что было сказано ранее и что, по его мнению, известно допрашивающему.

Беседуя с охранником, Кэтрин обратила внимание на то, что несколько раз тон его голоса повышался и Уотерс делал паузы при ответах без всякой надобности. Как только Кэтрин заметила это, она тут же проанализировала его предшествующее поведение и поняла, что и там были признаки обмана: стремление навязать ей больше информации, чем необходимо, многочисленные отступления от темы, постоянные прикосновения к голове, носу и глазам, частые попытки отвернуться.

Как только возникает подозрение во лжи, разговор превращается в допрос, и подход к нему сотрудника полиции кардинальным образом меняется. Именно тогда Дэнс перестала задавать вопросы о Пелле и заговорила на те темы, на которые лгать охраннику не имело смысла: о его личной жизни, о Монтерее и тому подобном. Теперь она устанавливала исходный базовый уровень его поведения.

Кэтрин проделывала стандартную четырехчастную процедуру анализа объекта с тем, чтобы немного позже тактически спланировать сам допрос.

Во-первых, она задалась вопросом, какова была его роль в происшедшем. И сразу же пришла к выводу, что Тони Уотерс в лучшем случае является лживым свидетелем, в худшем – сообщником Пелла.

Во-вторых, имеет ли он какой-то мотив для лжи? Разумеется. Уотерс не хотел быть арестованным и потерять работу на том основании, что намеренно или по халатности способствовал побегу Дэниела Пелла. Кроме того, у него мог быть и какой-то личный или финансовый интерес.

В-третьих, Кэтрин попыталась определить его личностный тип. Допрашивающим это необходимо, чтобы выбрать правильную линию собственного поведения. Следует ли вести себя более агрессивно или быть возможно мягче. Некоторые следователи просто устанавливают, является ли допрашиваемый экстравертом или интровертом, что само по себе служит хорошим ориентиром для ведущего допрос. Дэнс тем не менее предпочла воспользоваться более сложным подходом и попыталась в дополнение к определению его общего личностного типа охарактеризовать преобладающую личностную модальность Уотерса по шкалам Майерс – Бриггс: мыслительный – эмоциональный, перцептивный – интуитивный, судящий – воспринимающий.

Дэнс пришла к выводу, что Уотерс – экстраверт мыслительно-перцептивно-судящего типа, а это значит, что с ним она может быть более прямой и резкой, чем с людьми эмоционального и интравертного типа, и сможет воспользоваться методом «кнута и пряника», пытаясь добиться от него признания во лжи.

В-четвертых, она попыталась ответить на вопрос, к какому типу лжецов относится Уотерс. Существует несколько типов. К примеру, манипуляторы, или «высокие макиавеллисты». Они лгут беззастенчиво и не видят в лжи никакого греха. Они используют обман в качестве основного инструмента достижения своих целей в любви, бизнесе, политике и, конечно, в преступлениях. Есть и так называемые социальные лжецы, которые лгут, чтобы развлекать и веселить окружающих. Есть лжецы-приспособленцы, которые чувствуют себя неуверенно и лгут, чтобы произвести впечатление на окружающих.

Судя по тому, что Уотерс практически всю жизнь проработал охранником в тюрьме, и по тому, с какой легкостью он стал направлять их беседу, стараясь увести ее от истины, Дэнс решила, что он принадлежит еще к одной категории. Он был «актером», то есть тем, для кого самым важным является управление собеседником. Такие люди не лгут постоянно, а только при необходимости и значительно менее квалифицированы в этом ремесле, нежели «высокие макиавеллисты», тем не менее они являются, в общем, неплохими обманщиками.

Дэнс сняла очки в шикарной темно-красной оправе и под тем предлогом, что линзы запотели, отложила их в сторону и надела другие, с более узкими стеклами в черной стальной оправе – «окуляры хищницы», которые были на ней во время допроса Пелла. Она встала, обошла вокруг стола и села в кресло рядом с Уотерсом.

Специалисты в кинесике называют ближайшее пространство, окружающее человека, «проксимальной зоной». Она подразделяется на «интимное пространство» – от шести до восемнадцати дюймов – и «пространство коммуникации» – от десяти футов и более. Дэнс предпочитала вести допрос внутри непосредственной «личной» зоны на расстоянии около двух футов.

Уотерса явно удивило ее перемещение, но он ничего не сказал. Кэтрин также ничего не стала объяснять.

– А теперь, Тони, мне хотелось бы еще раз обсудить кое-что более подробно.

– Да, конечно, как вам будет угодно.

Он приподнял ногу, приблизил лодыжку одной ноги к колену другой. На первый взгляд вполне рефлекторное, ничего не значащее движение. На самом деле очевидное проявление сработавшего защитного механизма.

Кэтрин вернулась к той теме, которая, как она теперь понимала, вызвала у Уотерса самые сильные стрессовые проявления:

– Расскажите-ка мне еще о компьютерах в «Капитале».

– О компьютерах?

Повторение вашего вопроса или просьбы в качестве реакции – классический индикатор обмана. Допрашиваемый пытается понять, каковы намерения следователя и какой ответ будет наиболее выигрышным.

– Да, какие у вас компьютеры?

– Ну, я же не специалист. Я не знаю. – Он стал отбивать ритм носком туфли по полу. – «Делл», кажется.

– Ноутбуки или десктопы?

– И те и другие. В основном десктопы. Их, конечно, у нас совсем немного. – Он одарил Кэтрин заговорщической улыбкой. – Бюджет штата и прочее.

И тут же рассказал ей длинную историю о финансовых сокращениях в Управлении исправительных учреждений, которая была интересна Дэнс только как пример потрясающе наглой попытки отвлечь ее.

Тем не менее она вернула его обратно:

– Ну а теперь еще немного о возможностях получения доступа к компьютерам в «Капитале». Напомните мне об условиях.

– Я ведь вам говорил, заключенным не разрешается пользоваться компьютерами.

С формальной точки зрения он не солгал. Но ведь и не сказал, что заключенные не пользуются компьютерами. Обман при допросе не исчерпывается только откровенной ложью, он подразумевает также и замалчивание правды, и уклончивые неполные ответы.

– Они могут каким-то образом получить к ним доступ?

– Вряд ли.

Чуть-чуть беременна, отчасти мертвый.

– Извините, но я не совсем вас поняла, Тони.

– Да, конечно, мне следовало бы сказать: нет, не могут.

– Но вы говорили, что сотрудники тюрьмы и охранники имеют к ним доступ?

– Да.

– Ну, в таком случае почему же заключенный не может воспользоваться компьютером?

Первоначально Уотерс объяснил это тем, что компьютеры находятся в «контрольной зоне». Дэнс вспомнила, что в тот момент он проявил явные признаки аверсивного поведения и высота его голоса также изменилась.

И вот сейчас он сделал паузу – всего на секунду, – пытаясь, как поняла Дэнс, припомнить, что говорил тогда.

– Они находятся в зоне с ограниченным доступом. Туда допускаются только неагрессивные заключенные. Некоторые из них помогают в обслуживании кабинетов, под надзором конечно. Но им не разрешают пользоваться компьютерами.

– И Пелл не мог туда проникнуть?

– Его категория – 1А.

От Дэнс не ускользнул не прямой характер ответа. И блокирующий жест – почесывание века.

– Значит, он не допускался в... как вы назвали ту зону?

– Зона ОД. С ограниченным доступом. – Теперь Уотерс вспомнил термин, который употреблял ранее. – Или контрольные зоны.

– Контролируемые или контрольные?

Пауза.

– Контрольные.

– Контролируемые было бы более правильным названием. Вы уверены, что не «контролируемые»?

Уотерс начал волноваться:

– Ну, точно не помню. Да и какая разница? Мы пользуемся и тем и другим словом.

– А вы, случайно, не используете тот же самый термин и для других помещений? Ну, к примеру, кабинета начальника тюрьмы и комнаты охранников? Они тоже входят в контрольную зону?

– Ну конечно... То есть некоторые пользуются этой фразой очень широко, другие – меньше. Я ее впервые услышал в другой тюрьме.

– И в какой же?

Пауза.

– О, я не помню. Возможно, вы неправильно меня поняли. Я произнес ее так, как будто она какой-то официальный термин. Но на самом деле мы просто пользуемся ею в разговорах между собой. У нас ведь есть свой язык. В тюрьмах, я имею в виду. Надзирателей называют «надзиралами». Заключенных – «зэками». Все это неофициально. И вы то же самое делаете в своем КБР. Так все поступают.

Начиналась двойная игра: лжец часто пытается перейти на панибратские отношения со следователем («вы то же самое делаете»), использует обобщения типа «все», «всюду».

– Получив право на это или нет, в контрольной зоне или за ее пределами, находились ли когда-либо Дэниел Пелл и компьютер в одном помещении в одно и то же время в «Капитоле»? – спросила Дэнс низким ровным голосом.

– Я ни разу не видел его за компьютером. Клянусь. Честное слово.

Стресс, который испытывают лжецы, приводит их в одно из четырех эмоциональных состояний: они либо начинают злиться, либо впадают в депрессию, либо начинают все отрицать, либо пытаются договориться со следователем. Слова, которые произнес Уотерс, – «клянусь» и «честное слово» – вместе с преувеличенными жестами заметно отличались от его базового нейтрального поведения и свидетельствовали о том, что охранник находится на стадии

отрицания. Он просто не мог принять факт содеянного и всячески пытался уклониться от ответственности.

Очень важно установить, в какой фазе стресса находится допрашиваемый, так как это позволяет следователю выбрать правильную тактику в дальнейшем. Если допрашиваемый находится в фазе гнева, лучше всего дождаться, пока он изольет все эмоции.

В случае отрицания следует наступать, забывая подозреваемого фактами.

Именно так и поступила Дэнс:

– Вы имеете доступ в то помещение, где находятся компьютеры?

– Да, конечно, ну и что? Все надзиратели его имеют... Эй, что такое? Я ведь на вашей стороне.

Типичный трюк – увиливание. Дэнс не обратила на него ни малейшего внимания.

– И вы говорили также, что существует вероятность того, что кто-то из заключенных может оказаться в этом помещении. Бывал ли там когда-либо Пелл?

– Туда допускаются только неагрессивные преступники...

– Бывал ли там когда-нибудь Пелл?

– Клянусь Богом, я его там никогда не видел.

Дэнс обратила внимание на адаптивные жесты, направленные на уменьшение напряжения: сгибание и разгибание пальцев, постукивание по полу носком туфли, поворот плеча по направлению к допрашивающему и частые поглядывания в сторону двери (лжецы бессознательно выискивают пути бегства от чрезмерного напряжения ситуации допроса).

– Вы в четвертый раз не отвечаете на мой вопрос, Тони. Итак, был ли когда-нибудь Пелл в каком-нибудь помещении в «Капитоле» рядом с компьютером?

Охранник поморщился:

– Извините. Я совсем не хотел затруднять вам беседу. Я просто немного растерялся. Мне даже показалось, что вы *меня* в чем-то обвиняете. Ладно, я ни разу не видел его за компьютером. Я не лгал. Меня происшедшее очень сильно расстроило. Вы можете меня понять.

Плечи у него поникли, и голова опустилась примерно на полдюйма.

– Конечно могу, Тони.

– Возможно, Дэниел когда-то и побывал в таком помещении.

Ее наступление заставило Уотерса понять, что гораздо болезненнее будет выносить процедуру допроса, чем признаться в том, о чем он до сих пор пытался лгать. И Уотерс мгновенно «перескочил» на соглашательскую стадию обмана. На этой стадии допрашиваемый уже готов признать обман, однако еще не способен представить следователю всю правду – так он пытается избежать наказания. Дэнс поняла, что настало время оставить тактику прямого наступления и попытаться помочь ему найти какой-то способ сохранить лицо.

В ходе допроса следует помнить, что враг следователя не сам лжец, а его ложь.

– Значит, – произнесла Дэнс дружелюбным тоном, откинувшись на спинку стула и таким образом выйдя из личной зоны Уотерса, – вполне возможно, что когда-то Пелл все-таки мог получить доступ к компьютеру?

– Думаю, такое вполне могло случиться. Но наверняка я, конечно, не знаю. – Голова Уотерса опустилась еще ниже. Голос звучал тихо и вкрадчиво. – Ведь... ведь работа у нас тяжелая, сами знаете. А люди часто этого не понимают. Что такое быть надзирателем.

– Уверена, что не понимают, – согласилась Дэнс.

– Нам приходится быть учителями, копами и всем чем угодно одновременно. И, – он понизил голос до заговорщического шепота, – начальство всегда смотрит нам через плечо, говорит: делай то, делай это, поддерживай порядок, сообщай, если что-то не то происходит.

– Очень похоже на родительские обязанности. Ведь за детьми тоже приходится постоянно наблюдать.

– Вот именно, совершенно точно. Как с детьми. – Широко открытые глаза – выражение аффекта, проявление сильной эмоции.

Дэнс кивнула:

– Вне всякого сомнения, вы, Тони, проявляете о заключенных искреннюю заботу. И к своей работе относитесь сознательно.

На соглашательском этапе допрашиваемые хотят, чтобы их успокоили и простили.

– Это ведь сущая ерунда. То, что случилось.

– Продолжайте, пожалуйста.

– Я принял решение.

– У вас нелегкая работа. Вам приходится принимать ответственные решения практически ежедневно.

– Ха! Каждый час!

– И какое вам пришлось принять решение?

– Видите ли, Дэниел был очень не похож на всех остальных заключенных.

Дэнс сразу же обратила внимание на то, что Уотерс назвал Пелла по имени. Значит, Пелл заставил Уотерса поверить в то, что они могут быть друзьями, а затем воспользовался доверчивостью охранника.

– Что вы имеете в виду?

– У него была, как бы вам сказать... Ну, не знаю, какая-то власть над людьми, что ли. Он может пойти куда захочет, и никто не способен ему помешать. До него я такого человека в местах заключения никогда не встречал. Окружающие готовы были выполнить любую его просьбу. Выкладывали ему все, что он желал от них узнать.

– И он передавал вам информацию о других заключенных. Так?

– И очень полезную информацию притом. Такое, что никаким другим способом узнать было нельзя. К примеру, то, что кто-то из надзирателей торгует денатуратом. И один из зэков опился им. Другим способом мы просто никогда бы не докопались до виновника. Мне просто все рассказал Пелл.

– И это ведь спасло человеческие жизни.

– О да, мадам. Ну, предположим, один зэк задумал разделаться с другим зэком. Выпустить ему кишки заточкой. Дэниел мне обязательно сообщал о таких вещах.

Дэнс пожала плечами:

– И вы решили его вознаградить. Пропустили его в офис.

– Да. Телевизор в офисе каблирован, и иногда Пеллу хотелось посмотреть игры, которые больше никого не интересовали. Вот и все. Ничего серьезного. Офис, конечно, зона с высочайшей степенью безопасности. Оттуда он никуда сбежать не мог. Я совершал обход, а он смотрел игры.

– И как часто?

– Три или четыре раза.

– Значит, он мог воспользоваться и компьютером?

– Мог.

– И когда это было в последний раз?

– Вчера.

– Хорошо, Тони. А теперь расскажите мне о телефонах.

Дэнс вспомнила, что обратила внимание на стрессовую реакцию у Уотерса, когда он сказал ей, что Пелл звонил только своей тетке. Уотерс коснулся губ – блокирующий жест. Если допрашиваемый сознался в одном преступлении, то добиться от него признания во втором уже гораздо легче.

– А еще Пелл был просто помешан на сексе. Он хотел сделать несколько сексуальных звонков, и я ему позволил.

Дэнс сразу заметила отклонение от базового нейтрального поведения и предположила, что он признается в меньшем проступке, чтобы скрыть больший.

Она вновь наклонилась поближе к Уотерсу и прямо спросила:

– И как он расплачивался за них? Кредитной карточкой? Или как-то еще?

Пауза. Уотерс явно не продумал свою ложь. Он забыл, что за секс по телефону надо платить.

– Я вовсе не имел в виду звонки по тем номерам, которые печатают на последних страницах газет. Я просто неверно выразился. Дэниел звонил какой-то знакомой женщине. Наверное, той, которая ему писала. Ведь он получал очень много писем. – Слабая улыбка. – Поклонницы. Могу себе представить. Такой мужчина!

Дэнс наклонилась еще ближе:

– Но вы ведь не слышали ничего о сексе?

– Нет, я... – Должно быть, только сейчас он понял, что ничего не сказал о прослушивании звонков. Однако теперь лгать было уже поздно. – Нет. Они просто разговаривали.

– И вы слышали обоих?

– Да, я был на параллельной линии.

– Когда это было?

– В первый раз около месяца назад. Затем еще пару раз. Вчера. Когда он был в офисе.

– Звонки оттуда регистрируются?

– Нет. Местные не регистрируются.

– Значит, только междугородние?

Уотерс низко опустил голову. Он был готов сквозь землю провалиться.

– Что случилось, Тони?

– Я достал для него телефонную карточку. По которой вы набираете номер с восьмеркой, затем вводите код и нужный вам номер.

Дэнс знала такие карточки. Звонки по ним невозможно отследить.

– Вы должны мне поверить. Я бы никогда на это не пошел, если бы не та информация, которой он меня снабжал... Она была очень важной. Она спасла...

– О чем же они беседовали? – спросила Дэнс вполне дружеским тоном.

Никогда нельзя быть грубым с допрашиваемым, который признает свою вину. В данный момент он ваш самый лучший друг.

– Да о всякой ерунде. О деньгах, к примеру.

– Ну а если конкретнее?

– Пелл спросил, какую сумму она накопила, и она ответила – девяносто две сотни баксов.

А он: «И это все?»

«Да, суммы крупноваты для секса по телефону», – с мрачным сарказмом подумала Дэнс.

– Потом она спросила, может ли навещать его и когда, а он ответил, что навещать его не надо.

Значит, он не хотел, чтобы она приходила. Следовательно, не будет и никаких сведений об их встрече.

– Есть какие-нибудь предположения относительно того, откуда она могла ему звонить?

– Он упоминал о Бейкерсфилде. И даже, кажется, особо подчеркнул, говоря о чем-то: «В Бейкерсфилд».

Да, скорее всего, когда просил отправиться к его тетке, забрать молоток и подложить в колодец.

– Да, припоминаю. Она говорила ему о кардиналах.

– Католических?

Смешок, хотя и жалкий.

– Нет, о птицах. О кардиналах и колибри на заднем дворе. И о мексиканской еде. «Мексиканская еда расслабляет» – вот что она сказала.

– В ее речи чувствовался какой-нибудь акцент?

– Нет, вроде никакого.

– Ее голос был высоким или низким?

– Скорее низким. Довольно сексуальным.

– Она произвела на вас впечатление умной или глупой девушки?

– Ну-у, таких вещей я определить не могу.

Дэнс почувствовала, что Уотерс устал.

– Еще что-нибудь важное вы не припомните, Тони? Ну, давайте напрягите память. Нам необходимо как можно скорее поймать Пелла.

– Да вроде больше ничего. Извините.

Она пристально оглядела Уотерса с ног до головы и поняла, что он говорит правду: больше он ничего не знает.

– Ладно. Полагаю, что пока этого будет достаточно.

Он встал. Дойдя до двери, он остановился и обернулся:

– Извините, я немного растерялся. У меня был очень тяжелый день.

– Да, день не из лучших, – согласилась Кэтрин.

Несколько мгновений он стоял неподвижно на пороге, чувствуя себя отвергнутым. Не получив ожидаемого утешения, Уотерс шаркающей походкой удалился.

Дэнс позвонила Карранео, который был на пути в пересылочное агентство, и сообщила ему информацию, полученную от охранника: что у сообщницы Пелла нет никакого акцента и голос у нее низкий. Это поможет менеджеру вспомнить женщину.

Затем она позвонила начальнику «Капитолы» и сообщила ей о случившемся. Мгновение женщина молчала, затем очень тихо произнесла:

– О!

Дэнс спросила, есть ли в тюрьме специалист по компьютерам. Начальница ответила утвердительно. Кэтрин попросила его поискать в компьютерах следы какой-либо деятельности в Сети и электронные письма, отосланные вчера. Задание не должно было вызвать сложностей, так как в воскресенье у сотрудников тюремной администрации выходной, и Пелл, скорее всего, был единственным, кто выходил в Интернет... если он действительно выходил.

– Извините, – сказала Дэнс.

– Да, спасибо.

Дэнс имела в виду не столько сам побег Пелла, сколько одно из его последствий. Она не знала лично начальницу тюрьмы, но предполагала, что руководить супертюрьмой может только талантливый человек, для которого его работа очень важна. Какая жалость, что ее карьера в системе исправительных учреждений, так же как и карьера Тони Уотерса, скоро закончится.

Глава 12

Она все сделала превосходно, его маленькая милашка.

Она строго следовала всем его указаниям. Достала молоток из гаража тетки в Бейкерсфилде (как Кэтрин Дэнс удалось об этом догадаться?). Нанесла на бумажник инициалы Роберта Херрона. Затем бросила молоток и бумажник в колодец в Салинасе. Изготовила запал для взрывного устройства (она призналась, что сделать его было не сложнее, чем испечь пирог по кулинарному рецепту). Подложила чемодан с огнеупорным комбинезоном и ножом. Спрятала одежду под сосной.

Тем не менее Пелл очень сомневался в ее способности лгать людям прямо в глаза. Поэтому решил не использовать ее в качестве водителя машины в ходе побега. Более того, он потребовал, чтобы в это время она находилась как можно дальше от тюрьмы. Он совсем не хотел, чтобы на первом же дорожном посту она все выболтала, запинаясь и краснея от стыда.

Теперь же, сбросив туфли, Дженни Марстон вела машину (это его почему-то возбуждало) со счастливой улыбкой на лице и болтала, не умолкая, своим хрипловатым страстным голосом. Пелл слушал ее и думал, на самом ли деле она верила его рассказам о невинности в гибели всех тех людей в тюрьме. Но одно всегда удивляло Пелла – то, как часто окружающие его люди отбрасывали логику и чувство самосохранения и самозабвенно начинали верить тому, что он внушал им.

Однако подобная человеческая доверчивость вовсе не гарантировала, что Дженни попадет на любую ложь, которую он захочет ей выдать. И в свете того, что Пелл планировал на ближайшие несколько дней, ему нужно было очень пристально за ней следить, заранее предугадывая, где она поддержит его, а где может заартачиться.

Они двигались по сложному хитросплетению узких улочек и дорог, стараясь не выезжать на шоссе с возможными постами.

– Как я рада, что ты со мной, – сказала Дженни, положив руку ему на колено, словно осторожно и неуверенно пыталась заигрывать с ним.

Пелл знал, какие эмоции она испытывает: разрывается между тем, чтобы излить свою страсть к нему, и желанием сбежать. Но ее так нетрудно подчинить: она сразу клюнет на любую сентиментальность. С женщинами это всегда срабатывает. О, Дэниел Пелл знал практически все обо всех Дженни Марстон на свете. Плохим парням ничего не стоит соблазнить таких, как она. С их психологией он познакомился уже довольно давно, когда еще был рядовым эзком. К примеру, ты сидишь в баре и говоришь соседке, что только что вышел из тюрьмы. Большинство женщин начинают растерянно моргать, затем говорят, что им нужно в туалет, и больше не возвращаются. Но есть и такие, которых возбуждает, как вы страстным шепотом рассказываете им о преступлении, которое совершили, и о сроке, который отсидели. Они загадочно улыбаются, придвигаются к вам поближе и желают узнать как можно больше о темной стороне вашей личности.

Каковая включала также и убийства, истории которых лишь следовало правильно подать.

Ну, уж кто-кто, а Дэниел Пелл умел подавать.

Да, Дженни относилась к классическому типу девушек, обожающих плохих парней. Конечно, по ее виду ничего подобного сказать нельзя: тощая работница недорогого ресторана, с прямыми светлыми волосами, хорошеньким личиком, подпорченным крупным бесформенным носом, одетая, как мамаша из пригорода, отправившаяся на концерт Мэри Карпентер⁴.

Вряд ли можно было предположить, что такая деваха станет писать эзку из «Капитолы».

Дорогой Дэниел Пелл!

⁴ Мэри Карпентер – исполнительница кантри- и фолк-музыки в 1980–1990-е годы.

Вы меня не знаете, но я видела специальный репортаж, посвященный Вам, его показывали по «А&Е», и я думаю, что в нем не было полной правды о Вас. Кроме того, я покупаю все книги, какие могу найти, о Вас и читаю их. Вы по-настоящему потрясающий человек. И даже если Вы на самом деле совершили все то, что Вам приписывают, я уверена, что Вас толкнули на это какие-то особые обстоятельства. Ведь я видела Ваши глаза и все поняла. Вы смотрели в камеру, но я чувствовала, что Вы смотрите на меня. У меня было такое же прошлое, как и у Вас, я имею в виду Ваше детство (или, точнее, его отсутствие!), и я могу Вас понять. Понять полностью. Если хотите, можете мне ответить.

*Искренне Ваша,
Дженни Марстон*

Конечно, она была не единственной. Дэниел Пелл получал множество писем. В некоторых его восхваляли за убийство капиталиста, в других проклинали как убийцу невинных детей, в третьих предлагали советы, в четвертых советов просили. Ну и конечно, множество писем с романтическими излияниями. Правда, у большинства писавших их женщин (и мужчин) в течение нескольких недель первоначальное чувство иссякало и разум брал верх. Но Дженни продолжала писать, каждое следующее письмо было еще более страстным, чем предыдущее.

Мой дорогой и любимый Дэниел!

Сегодня я выехала в пустыню. И была неподалеку от Паломарской обсерватории, где установлен громадный телескоп. Небо было такое большое, наступали сумерки, и звезды только появлялись. Я не могла не думать о тебе. О том, что, как ты пишешь, никто тебя не понимает и обвиняет во множестве дурных поступков, которые ты не совершал, и как тяжело жить посреди всеобщего озлобления. Они не способны увидеть твое истинное «я». А я могу. Ты никогда ни в чем подобном не признаешься из-за своей скромности, но я-то знаю то, чего не знают они: что ты само совершенство.

Я остановила машину. Я не могла больше сопротивляться желанию. Я стала прикасаться к разным частям своего тела, ты понимаешь, что я имею в виду (держу пари, ты этим тоже грешишь, грязный мальчишка!). Мы занимались там любовью, ты и я, глядя на звезды. Я говорю «мы», потому что ты душою был там со мной. Я пойду для тебя на все, Дэниел...

Именно подобные письма – демонстрировавшие полнейшее отсутствие самоконтроля и невероятную доверчивость – заставили Пелла, когда он задумал побег, остановить выбор на Дженни.

И вот теперь он спросил ее:

– Надеюсь, ты во всем соблюдала предельную осторожность? Нашу машину никто не сможет выследить?

– Нет. Я угнала ее из ресторана. Там был парень, с которым я встречалась пару лет назад. Но между нами ничего серьезного не было. – Последнюю фразу она произнесла поспешной скороговоркой, из чего Пелл заключил, что она лжет и что с упомянутым ею парнем она весело проводила время. Собственно, до этого ему не было никакого дела. И Дженни продолжила: – Он там работает. В общем, я пошаталась вокруг и заметила, что никто не следит за ящиком с ключами на парковке. Поэтому в пятницу я села на автобус, поехала туда и подождала на противоположной стороне улицы. Когда обслуживающий персонал был чем-то занят, я взяла ключи. Я выбрала именно «тандерберд» потому, что парочка, которой он принадлежал, всего за несколько минут до того вошла в ресторан, и я решила, что они там задержатся. Минут через десять я уже была на Сто первом.

– И ты сразу отправилась выполнять мою просьбу?

– Нет, я провела ночь в Сан-Луис-Обиспо и расплачивалась наличными, как ты мне говорил.

– И ты, я надеюсь, сожгла все письма? Перед тем, как уехать?

– Угу.

– Отлично. У тебя есть карты?

– Да, есть.

Дженни похлопала по сумочке.

Он оглядел ее с ног до головы. Небольшой выступ на груди, тощие ноги и задница. Длинные светлые волосы. Женщины обычно сразу дают вам понять, насколько далеко вы можете с ними зайти, и Пелл знал, что может прикасаться к ней где и когда захочет. Он обнял ее за шею. Какая она у нее тонкая и хрупкая. Дженни издала звук, напоминавший мурлыканье.

Пелл начал возбуждаться.

Мурлыканье продолжалось.

Он ждал сколько мог.

Но желание возобладало.

– Притормози вон там, детка.

Он указал на дорогу, которая вела в небольшую дубраву. Она была похожа на подъезд к заброшенной ферме посреди заросшего поля.

Дженни нажала на тормоза и свернула на дорогу. Пелл оглянулся по сторонам. Ни одной живой души.

– Здесь?

– Да, здесь будет нормально.

Его рука скользнула от шеи вниз по розовой блузке Дженни. Блузка выглядит как новая. Она купила ее специально для него, он сразу это понял.

Пелл приподнял голову Дженни и прижался губами к ее губам, не открывая рта. Поцелуй был недолог, но нежен, затем он немного отодвинулся, ожидая, что она приникнет к нему.

– Я хочу, чтобы ты вошел в меня, – прошептала она, протягивая руку за спину.

Он услышал похрустывание пакета. Она достала оттуда презерватив.

– У нас мало времени, детка. Нас ищут.

Девушка поняла намек.

Какими бы невинными они ни выглядели, девушки, любящие плохих парней, прекрасно знают, что делают (а Дженни Марстон вовсе не казалась столь уж невинной). Она расстегнула блузку и наклонилась к сиденью пассажира, легко проводя бюстгальтером по промежности Пелла.

– Откинись назад, любимый. Закрой глаза.

– Нет.

Она застыла.

– Я хочу наблюдать за тем, что ты делаешь, – прошептал он.

Им нельзя давать больше власти над собой, чем необходимо.

Вновь мурлыканье.

Дженни расстегнула молнию у него на шортах и наклонилась.

Прошло всего несколько минут, и он кончил. Она не обманула его ожидания – у Дженни было не так уж много ресурсов, но те, которыми она располагала, девушка использовала на полную катушку – все прошло превосходно, хотя Пелл предполагал, что, когда они доберутся до мотеля, он довершит начатое в машине с избытком. Пока же и этого вполне достаточно. Что касается Дженни, Пелл знал, что его взрывное обильное завершение вполне удовлетворило ее.

Он встретился с ней взглядом:

– Ты чудесна, милая. Все было просто замечательно.

Дженни была настолько переполнена эмоциями, что даже пошлая реплика из порнофильма прозвучала для нее словно признание в любви из классического романа.

– О Дэниел!

Он откинулся на спинку сиденья и поправил одежду.

Дженни застегнула блузку. Пелл взглянул на розовый цвет ткани, на украшения, на металлические штучки на воротнике.

Она заметила его взгляд:

– Тебе нравится?

– Очень.

Пелл выглянул в окно на поля вокруг. Здесь полиция его не беспокоила, и потому он внимательно следил за подругой. Он почувствовал, что она рассматривает свою блузку.

После некоторых колебаний Дженни сказала:

– Очень розовая. Наверное, слишком. Просто так получилось, что я увидела ее и решила купить.

– Нет, что ты, отличная блузка. Даже интересная.

Пока Дженни застегивала пуговицы, он рассматривал жемчужины, другие украшения, манжеты. Ей, наверное, пришлось целую неделю работать, чтобы позволить себе такую роскошь.

– Я могу потом переодеться, если хочешь.

– Да нет, зачем же, если тебе нравится... – ответил он, выбрав самый правильный тон, как певец, берущий сложную ноту. Пелл еще раз взглянул на ее одежду, затем наклонился вперед и поцеловал ее, сначала в лоб, затем, конечно, в губы. И снова окинул взглядом поле. – Нам нужно снова выехать на дорогу.

– Да, конечно.

Дженни хотелось, чтобы он сказал что-нибудь еще о блузке. Что с ней не так? Может быть, ему просто не нравится розовый цвет? А возможно, у его бывшей девушки были такие же вещи? Не исключено, что из-за блузки ее груди кажутся меньше.

Но конечно, он промолчал.

Дженни улыбнулась, почувствовав, что он коснулся ее ноги, и включила зажигание. Она вернулась на дорогу, в последний раз взглянув на блузку, которую, подумал Пелл, она больше никогда в жизни не наденет. Он надеялся, что она ее выбросит. Теперь он был в этом практически уверен.

Парадокс заключался в том, что блузка выглядела на ней неплохо и она ему нравилась.

Но, продемонстрировав свое неодобрение и пронаблюдав ее реакцию, Пелл еще раз убедился в том, насколько она контролируема и насколько верна ему.

Хороший учитель всегда должен знать, до какого уровня продвинулся его ученик.

Майкл О'Нил сидел в кабинете Дэнс, положив ноги на ее старенький кофейный столик и раскачиваясь на задних ножках стула. Это была его самая любимая поза. (С кинесической точки зрения его привычку можно было объяснить попыткой преодолеть нервозность и рядом других факторов, которые Дэнс, будучи его добрым и старым другом, предпочитала не анализировать.)

Он, Ти-Джей и Дэнс смотрели на ее телефон, на громкой связи был компьютерщик из «Капитолы»:

– Вчера Пелл действительно выходил в Интернет, но он не посылал никаких электронных писем. Возможно, раньше он их и посылал, но не вчера. Вчера он только просматривал Сеть. Он стер упоминания о тех сайтах, которые посещал, но забыл стереть поисковые запросы. И я нашел то, что он искал.

– Продолжайте.

– В поисковой системе «Гугл» он искал «Элисон» и «Нимью». И то и другое одновременно, в одном запросе.

Дэнс попросила, чтобы он продиктовал оба слова по буквам.

– Затем он ввел следующий запрос: «Helter Skelter».

О’Нил и Дэнс обменялись встревоженным взглядом. Название песни «Битлз», на которой был буквально помешан Чарльз Мэнсон. Он часто упоминал ее, когда говорил о неизбежной расовой войне в Америке. Так же называлась и книга о Мэнсоне, написанная его обвинителем.

– Потом он перешел на Visual-Earth.com. Это примерно то же, что и Google Earth. На названном сайте можно увидеть фотографию со спутника практически любого места на земле.

«Великолепно», – подумала Дэнс. Хотя на самом деле ничего великолепного не было, так как узнать, какое конкретно место он искал, не представлялось возможным.

– Он мог смотреть что угодно: калифорнийские шоссе, Париж, Ки-Уэст или Москву.

– А что такое «Нимью»?

– Ни малейшего представления.

– Возможно, это какое-нибудь слово, которым пользуются в «Капитоле»?

– Нет.

– А кого-нибудь из ваших сотрудников, случайно, не зовут Элисон?

– Нет, с таким именем у нас никого нет, – ответил компьютерщик. – Но, может быть, мне удастся выяснить, на какие сайты он заходил. Зависит от того, просто ли он стер упоминание о них или полностью уничтожил. Если уничтожил, придется о них забыть. Если же просто «выкинул», то, возможно, мне удастся отыскать их плавающими в свободном пространстве где-нибудь на жестком диске.

– Мы очень вас просим сделать все от вас зависящее, – сказала Дэнс.

– Прямо сейчас и начну.

Кэтрин поблагодарила его, и на этом разговор закончился.

– Ти-Джей, узнай, что такое «Нимью».

Его пальцы замелькали по клавиатуре. Появились результаты, и он стал их просматривать. Через несколько мгновений он сообщил:

– Сотни тысяч ссылок. Создается впечатление, что очень многие пользуются им в качестве пароля.

– Кто-то, с кем он переписывался по электронной почте, – предположил О’Нил. – Возможно, просто прозвище. Или даже настоящая фамилия.

Глядя на экран, Ти-Джей продолжал:

– Кроме того, торговые марки: косметика, электронное оборудование... гм... эротические принадлежности... О! Ничего подобного раньше никогда не видел!

– Ти-Джей, не время для шуток! – оборвала его Дэнс.

– Извини. – Он продолжил просмотр. – Как интересно! Большинство ссылок на короля Артура.

– Того, что в «Камелоте»?⁵

– Думаю, что да. – Он продолжил чтение. – Нимью была Девой Озера. Волшебник Мерлин влюбился в нее. Ему было уже около ста лет, а ей было всего шестнадцать. Мерлин научил ее волшебству. О, и он подарил королю Артуру волшебный меч.

– Эскалибур, – подсказал О’Нил.

– Чего? – переспросил Ти-Джей.

– Меч. Эскалибур. Неужели ты не слышал обо всем этом раньше? – удивился О’Нил.

– Не-а, в колледже я не посещал занятия по разным выдумкам. Скука смертная.

⁵ Имеется в виду не замок короля Артура, а мюзикл Фредерика Лоу, экранизированный в 1967 году.

– Я все больше склоняюсь к мысли, что он искал кого-то конкретного. Попробуй ввести «Нимью» в сочетании с «Пелл, Элисон, Калифорния, Кармел, Кройтон». Ну, есть какие-нибудь еще идеи?

– И в сочетании с именами женщин: Ребекка Шеффилд, Саманта Маккой и Линда Уитфилд, – предложил О’Нил.

– Хорошо.

После нескольких минут лихорадочного поиска Ти-Джей поднял голову и сказал:

– Извини, босс. Ничего.

– Проверь в основных базах данных по уголовным преступлениям.

– Хорошо.

Дэнс смотрела на слова, которые записала под диктовку компьютерщика из «Капитолы». Что они могут значить? Что искал Пелл в Интернете, рискуя очень многим?

Helter Skelter, Нимью Элисон...

И что Пелл пытался найти на Visual-Earth.com.? Место, где он намеревался скрыться, или место, которое собирался ограбить?

– Как насчет данных экспертизы из здания суда? – спросила она О’Нила.

Детектив перелистал свои заметки:

– Практически ничего интересного. Почти все либо сгорело, либо расплавилось. Воспламеняющаяся жидкость находилась в пластиковых бутылках из-под молока в дешевом чемодане на колесиках. Подобные бутылки продаются в десятках разных мест: «Уол-Марте», «Таргете» и тому подобных. Огнеупорная сумка и костюм изготовлены фирмой «Защитное оборудование», базирующейся в Нью-Джерси. Продукция продается по всему миру, но большей частью в Южной Калифорнии. В основном используется в кинопроизводстве для трюков. Отследить практически невозможно, так как серийных номеров нет. На сумке и комбинезоне никаких отпечатков не нашли. Судя по примесям в бензине, он произведен «Бритиш петролеум», но на какой станции приобретен, установить практически невозможно. Запал самодельный. Веревка пропитана огнестойкими веществами. Место их приобретения, естественно, определить невозможно.

– Ти-Джей, а что известно о тетке?

– Пока ничего. Но в скором времени ожидаю новостей.

Затрещал телефон Кэтрин. Звонили снова из «Капитолы». К начальнице тюрьмы обратился заключенный, который утверждал, что располагает информацией о Пелле. Не хотела бы Дэнс с ним побеседовать?

– Да, конечно. – Она нажала кнопку громкой связи. – С вами говорит агент Дэнс. Рядом со мной находится детектив О’Нил.

– Привет. Меня зовут Эдди Чанг.

– Эдди, – добавила начальница, – отбывает срок за ограбление банка. Его поместили в «Капитолу» из-за некоторой его... ненадежности.

– Насколько хорошо вы знаете Дэниела Пелла? – спросила Дэнс.

– Не очень хорошо. Его никто хорошо не знает. Но я был одним из тех, кто, понимаете, не представлял для него никакой угрозы, поэтому он мне в каком-то смысле открылся.

– И у вас есть информация о нем?

– Да, мэм.

– Почему вы решили сообщить ее нам? – спросил О’Нил.

– Мне пообещали сбросить полгода срока. Я помогаю вам, вы помогаете мне. Конечно, обещание выполнят только в том случае, если вы поймаете Пелла. Если нет, то мне придется, как я полагаю, надолго задержаться в тюрьме.

– Пелл упоминал о каких-либо девушках или о ком-то еще, кого он знал на воле? – спросил О’Нил. – Речь идет прежде всего о женщинах.

– Да, он хвастался тем, что у него было много женщин. И рассказывал о своих похождениях. Слушать его истории было все равно как смотреть порнофильм. Как же они нам нравились!

– А вам запомнились какие-нибудь имена из них? Например, кто-то, кого звали Элисон?

– Он никаких имен никогда не упоминал.

После того, что ей сообщил Тони Уотерс, Дэнс была склонна предположить, что Пелл сочинял сексуальные истории, чтобы подчинить себе эков.

– Ну и что вы хотите сообщить нам? – спросила она.

– У меня появилась мысль насчет того, куда он мог отправиться. – (Дэнс с О’Нилом обменялись взглядами.) – За Акапулько. Там есть городок в горах. Санта-Розарио.

– Почему именно туда?

– Ну, где-то неделю назад точили мы ляды, как обычно бывает между заключенными, и был там один новый зэк Фелипе Ривера, который сидел второй срок подряд за применение оружия. Ну, в общем, болтали мы, и Пелл узнал, что тот из Мексики. И Пелл его спросил насчет того самого Санта-Розарио. Ривера никогда о таком не слышал, но Пеллу очень хотелось о нем разузнать, поэтому он стал описывать его, думая расшевелить память у парня. В общем, говорил он, там жаркая весна, расположен он вдали от больших дорог, и неподалеку есть какая-то крутая гора. Но Ривера все равно ничего не вспомнил. Тогда Пелл заткнулся, а потом снова заговорил совсем на другую тему. Вот я и решил, что у него на уме именно этот городок.

– А до того момента он когда-нибудь упоминал о Мексике? – спросила Дэнс.

– Возможно, что и упоминал. Но в точности я не припомню.

– Постарайтесь вспомнить, Эдди. Скажем, полгода или год назад. А может быть, он говорил о каком-то другом месте, куда хотел бы отправиться?

Молчание.

– Нет. Простите. Он говорил, что нет такого места, куда бы он поехал, потому что все это дерьмо и пустая трата сил.

– Однако, возможно, какое-то место его просто интересовало? Вызывало у него любопытство?

– Ах да, пару раз он упоминал про то место, где живут мормоны.

– Солт-Лейк-Сити.

– Нет, не город. А штат. Юта. Ему у них нравилось то, что можно иметь много жен.

«Семья»...

– Он говорил, что в Юте полиция на людей особого внимания не обращает, потому что штатом управляют мормоны, а они не любят, чтобы ФБР или местная полиция совала нос не в свои дела.

– Когда он вам такое говорил?

– Не помню точно. Довольно давно. В прошлом году, наверное. А потом, кажется, месяц назад.

Дэнс взглянула на О’Нила, и он кивнул.

– Вам можно будет перезвонить? Подождите, пожалуйста, минутку у телефона.

Чанг рассмеялся:

– И куда, по-вашему, я могу уйти?

Закончив разговор с Чангом, Кэтрин позвонила Линде Уитфилд, а затем Ребекке Шеффилд. Ни одна из женщин ничего не знала об интересе Пелла к Мексике или Юте. Что же касается мормонской полигамии, Линда сказала, что он никогда ни о чем подобном не упоминал. Ребекка просто расхохоталась:

– Пеллу нравилось спать с несколькими женщинами. А это ведь, как вы понимаете, отличается от того, чтобы быть женатым на нескольких женщинах. Очень сильно отличается.

Дэнс с О'Нилом поднялись в кабинет к Чарльзу Овербаю и сообщили ему о возможных направлениях бегства Пелла, а также о его запросах в «Гугле» и о результатах криминологической экспертизы.

– Акапулько?

– Не думаю. Уверена, это не более чем обычный отвлекающий маневр. Он спросил о нем только неделю назад и в присутствии других эков. Слишком явно. Юта – гораздо более вероятный вариант. Но мне необходимо получить дополнительную информацию, прежде чем я смогу сделать окончательный вывод.

– Только учти, Кэтрин, время не ждет, – сказал Овербай. – Мне только что звонили из «Нью-Йорк таймс».

Затрещал его телефон.

– Из Сакраменто, Чарльз, – сообщила его секретарша.

Овербай вздохнул и поднял трубку.

Дэнс и О'Нил вышли в коридор, и, как только дверь закрылась за ними, зазвонил телефон О'Нила.

Пока они шли по коридору, Дэнс постоянно поглядывала на своего спутника. Аффективные признаки в поведении и внешности Майкла О'Нила были практически невидимы людям непосвященным, но от Кэтрин они ускользнуть не могли. Она сразу поняла, что звонок по поводу Хуана Миллера. Она заметила, как сильно расстроился Майкл. Кэтрин не могла припомнить случая, когда бы он так серьезно переживал из-за кого-то.

О'Нил закончил разговор и кратко сообщил ей последние новости о состоянии детектива. Примерно то же, что и раньше, но Хуан раз или два приходил в сознание.

– Сходи навести его, – предложила Дэнс.

– Ты уверена?

– Я здесь справлюсь.

Дэнс вернулась в свой кабинет, задержавшись на минутку у Мэри-Элен Кресбах, чтобы налить себе еще чашку кофе. Мэри-Элен не сказала ни слова о телефонных звонках, но Кэтрин почувствовала, что той очень хотелось это сделать.

Звонил Брайан...

На сей раз Кэтрин решила побаловать себя шоколадным пирожным, о котором давно мечтала. Усевшись за стол, она позвонила Чангу и начальнице тюрьмы.

– Эдди, я хотела бы продолжить. Расскажите мне побольше о Пелле. Все, что сможете о нем вспомнить. Его слова, его поступки. Что его веселило и радовало и что его злило и выводило из себя.

Пауза.

– Да я и не знаю, про что вам рассказывать.

Он явно был смущен.

– Ну вот, предположим, кому-то захотелось меня познакомить с Дэниелом Пеллом. Что бы вы сообщили мне о нем перед тем, как мы с вами отправились на свидание с Пеллом?

– Свидание с Дэниелом Пеллом? Как-то страшновато, признаться.

– Ну, напряги мозги, малыш.

Глава 13

Вернувшись к себе в кабинет, Кэтрин услышала лягушачье кваканье и взяла сотовый.

Звонил Рей Карранео. Он сообщил, что менеджер пересыльного агентства на Сан-Бенито-Уэй в Салинасе хорошо помнит женщину, приходившую к ним неделю назад.

– Только она ничего не отсылала, агент Дэнс. Она просто спросила, когда здесь останавливаются машины, осуществляющие доставку корреспонденции. Он ответил ей, что наиболее регулярно это делают машины «Уорлдуайд экспресс». Они работают как часы. Он бы, наверное, забыл о ней, если бы не увидел ее несколько дней спустя на скамейке в парке на противоположной стороне улицы. Думаю, она решила сама удостовериться, так ли уж точны сотрудники «Уорлдуайд экспресс».

К сожалению, практически никаких сведений для составления ее фоторобота Карранео собрать не смог, так как на девушке была бейсболка и темные очки. Менеджер не видел и машины, на которой она приехала.

Дэнс закончила разговор и вновь задалась вопросом, когда и где найдут тело водителя фургона «Уорлдуайд экспресс».

Вновь насилие, еще одна смерть, еще одна семейная трагедия.

Круги последствий могут распространяться практически до бесконечности.

Именно в то мгновение, когда в памяти Кэтрин всплыли слова Мортон Нэгла, позвонил Майкл О'Нил. По странному совпадению он звонил как раз по поводу судьбы того самого водителя.

Дэнс сидела на переднем сиденье своего «тауруса».

Из плеера звучали «Фэафилд фор». Их пение отвлекало от ужасов сегодняшнего утра.

– *Я стою в безопасной зоне...*

Музыка была для Кэтрин Дэнс истинным спасением. Работа в полиции не сводилась для нее к лабораторным пробиркам и анализу данных на компьютере. Главным для Кэтрин всегда были люди. Ее работа состояла в том, чтобы слиться с ними умом и чувствами и таким образом добиться от них правды, которую они по каким-то причинам не решались открыть. Допросы, которые она проводила, как правило, были сложны и иногда мучительны, а воспоминания о признаниях некоторых свидетелей и преступников, порой о неопишимо жутких преступлениях, никогда не оставляли Кэтрин.

Но если у нее в ушах звучали напевы кельтской арфы Алана Стивелла, или безудержные мелодии Натти Боу и Бенни Билли в духе «Ска-Кубано», или грубые дребезжащие аккорды Лайтнинга Хопкинса, ее на какое-то время оставляли воспоминания о допросах насильников, убийц и террористов.

В данный момент Дэнс погрузилась в скрипучие интонации музыки полувековой давности.

«Roll, Jordan, roll...»

Через пять минут она въехала на офисную парковку в северной части Монтерея напротив Мунграс-авеню. Вошла в гараж, расположенный на первом этаже, где стояла красная «хонда» водителя «Уорлдуайд экспресс». Багажник был открыт, кровь размазана по металлу. Рядом с машиной расположились О'Нил и какой-то городской полицейский.

С ними был кто-то еще.

Билли Гилмор, тот самый водитель, в гибели которого от руки Пелла Дэнс не сомневалась. Она была искренне изумлена, увидев его живым и практически здоровым.

Билли отделался несколькими синяками. Голова у него была забинтована. Бинт закрывал рану, кровь из которой и запачкала машину. Однако все эти ушибы не были следствием нападения Пелла. Билли порезался, лежа в багажнике, когда захотел устроиться поудобнее.

– Я не пытался выбраться. Я был слишком напуган. Но, наверное, кто-то услышал меня и вызвал полицию. Пелл приказал мне оставаться в багажнике три часа, в противном случае он пообещал убить мою жену и детей.

– С ними все в полном порядке, – сообщил О’Нил. – Мы взяли их под охрану.

Он повторил рассказ Билли о том, как Пелл захватил фургон, а затем автомобиль. Водитель подтвердил, что Пелл был вооружен.

– А какая на нем была одежда?

– Шорты, темная ветровка, бейсболка. Точно не помню. Я был до смерти перепуган.

О’Нил передал новый портрет Пелла на дорожные посты и в розыскные группы.

Пелл ничего не сообщил Билли относительно того, куда он направляется, но очень четко разъяснил ему, как проехать до гаража.

– Он точно знал, где находится гараж и что он будет пуст.

Его сообщница и это проверила, конечно. Она здесь его и ожидала, и отсюда, вполне вероятно, они направились в Юту.

– Вы что-нибудь еще помните? – спросила Кэтрин.

После того как над ним захлопнулась крышка багажника, вспомнил Билли, он еще раз услышал голос Пелла.

– Кто-нибудь еще с ним был?

– Нет, я слышал только его голос. Думаю, он кому-то звонил. Он забрал у меня мобильный.

– Забрал у вас мобильный? – удивленно переспросила Дэнс.

Многочисленный взгляд на О’Нила, который тут же позвонил в Управление шерифа, а тамошние сотрудники технического отдела связались с телефонной компанией, услугами которой пользовался Билли, чтобы отследить местонахождение его телефона.

Затем Дэнс спросила, слышал ли Билли что-нибудь из того, о чем говорил Пелл.

– Нет, – ответил водитель. – До меня доносилось только какое-то бормотание.

Зазвонил телефон О’Нила, несколько минут он слушал, а затем сказал Дэнс:

– Ничего. Он его либо уничтожил, либо вынул батарею. Они не могут запеленговать сигнал.

Дэнс оглядела гараж:

– Но он ведь его где-то выбросил. Будем надеяться, что неподалеку. Пусть кто-нибудь проверит урны и стоки на улицах.

– Да и кусты тоже, – добавил О’Нил и отправил двоих помощников выполнять задание.

К ним присоединился Ти-Джей:

– Он действительно поехал по этой дороге? Считаю меня придурком, босс, но, если бы я отправился в Юту, я выбрал бы совсем другой путь.

Поехал Пелл в Юту или нет, странным было то, что он направился в центр Монтерея. Городок был маленький, и его легко могли здесь заметить. Кроме того, отсюда гораздо меньше путей для выезда из города, чем если бы он выбрал направление на восток, на север или на юг. Очень рискованное место для встречи с сообщницей, но ход блестящий – здесь полиция меньше всего ожидала его обнаружить.

Сам собой напрашивался и еще один вопрос:

– Билли, мне нужно задать вам один не совсем тактичный вопрос. Как вы думаете, почему он вас не убил?

– Я... я умолял его пощадить меня. Практически на коленях молил его. Это было так унижительно.

Кроме того, это было еще и ложью. Дэнс не нужно было определять базовый уровень поведения парня, чтобы заметить, что стрессовый поток пронизал его тело. Он отвернулся и побагровел.

– Мне нужно знать правду. Она может быть очень важна, – настойчивым голосом произнесла Дэнс.

– Ну в самом деле. Я плакал как ребенок. И он меня пожалел.

– Дэниел Пелл никогда в жизни не испытывал жалости ни к одному человеческому существу, – заметил О’Нил.

– Продолжайте, – попросила Кэтрин.

– Да, хорошо... – Билли нервно сглотнул и еще больше покраснел. – Мы как бы заключили с ним сделку. Он собирался убить меня. Уверен, что собирался. И я сказал ему, что если он сохранит мне жизнь...

Его глаза наполнились слезами. Было неприятно наблюдать за мучениями, которые он испытывал, но Дэнс необходимо было понять логику Пелла, почему он пощадил этого человека, притом что двоих других, не задумываясь, убил при сходных обстоятельствах.

– Продолжайте, – повторила она.

– Я пообещал ему, что если он оставит меня в живых, то я сделаю для него все, что угодно. Я имел в виду деньги, любую сумму. Но он... в общем, он взглянул на фотографию моей жены и признался, что она ему нравится. Поэтому он... он попросил меня рассказать ему о тех вещах, которые мы с ней делаем в постели. О таких интимных вещах. – Он опустил голову, воззрившись на бетонный пол гаража. – Он хотел знать все, до мельчайших подробностей.

– Что еще? – мягко, но настойчиво произнесла Дэнс.

– Вот и все. Это было так унижительно.

– Билли, пожалуйста, расскажите нам все до конца.

Глаза водителя наполнились слезами. Челюсть дрожала.

– Все.

Глубокий вдох.

– Он узнал номер моего домашнего телефона. И сказал, что позвонит мне как-нибудь ночью. Возможно, через месяц, а возможно, и через полгода. Точно я не должен знать. И когда он позвонит, моя жена и я должны пойти в спальню. И, вы понимаете... – Слова застряли у него в горле. – Я не должен буду вешать трубку, так чтобы он мог слышать нас. Пэм должна будет произносить определенные слова, которые он мне назвал.

Дэнс взглянула на О’Нила, который тихо выдохнул:

– Мы его поймаем до того, как он успеет выполнить свое обещание.

Билли вытер вспотевшее лицо:

– И тогда я почти был готов сказать ему: «Нет, подонок. Лучше убей меня». Но не смог.

– Отправляйтесь к семье. А потом на какое-то время вам будет лучше уехать из города.

Медик провел его к «скорой помощи».

– Что это все, черт возьми, может означать? – прошептал О’Нил.

Он произнес вслух мысль Дэнс.

– Детектив, я нашел телефон, – сообщил один из помощников. – Он был дальше по улице в урне для мусора. Аккумулятор валялся в другой урне на противоположной стороне.

– Хорошая работа, – похвалил своего сотрудника О’Нил.

Дэнс взяла у Ти-Джея пару латексных перчаток, надела их, затем забрала у ассистента телефон и вставила в него аккумулятор. Включила и просмотрела последние звонки. Ни одного входящего и пять исходящих со времени побега. Она продиктовала номера О’Нилу, а тот передал их техническим сотрудникам.

Как оказалось, первый звонок вообще был по несуществующему номеру; в нем не было даже необходимого префикса, а это значило, что никакого звонка сообщнику по поводу семьи

Билли на самом деле не было. Пелл просто разыграл глуповатого водителя, чтобы еще больше запугать его.

Второй и третий звонки были сделаны на номер мобильного телефона с предварительной оплатой. В данный момент он был отключен, возможно, вообще уничтожен. В любом случае от него не было никакого сигнала.

Два последних номера дали более определенный результат. Первый звонок был на номер 555-1212 – в справочную. С кодом Юты. И последний номер – тот, который Пелл, скорее всего, получил от оператора справочной, – был телефоном стоянки мотеля неподалеку от Солт-Лейк-Сити.

– В яблочко! – воскликнул Ти-Джей.

Дэнс набрала номер, представилась и спросила, звонил ли им кто-нибудь примерно минут сорок назад. Служащая ответила, что звонил мужчина из Миссури, который направлялся на запад и уточнял, сколько будет стоить парковка небольшого «виннебаго» в течение недели.

– А какие-нибудь другие звонки в это же время?

– От моей матери и два от наших постояльцев с жалобами на что-то. Вот и все.

– Звонивший вам мужчина сообщил, когда прибудет?

– Нет.

Дэнс поблагодарила ее и попросила немедленно перезвонить в случае, если им снова позвонит тот же мужчина. Дэнс пересказала О'Нилу и Ти-Джею содержание своей беседы с сотрудницей мотеля и затем позвонила в Управление полиции штата Юта – у нее были приятельские отношения с капитаном из Солт-Лейк-Сити – и кратко обрисовала ему ситуацию. В мотель тотчас выслали группу наблюдения.

Дэнс перевела взгляд на несчастного водителя. Тот сидел, опустив голову, и смотрел себе под ноги. Ей стало жаль его. Весь остаток жизни он проведет с воспоминаниями о том, что случилось с ним сегодня. И возможно, главные мучения он будет испытывать, вспоминая не столько о похищении и насилии, сколько о той унижительной сделке, которую заставил его заключить Пелл.

Кэтрин вновь вспомнила о Мортоне Нэгле. Билли остался в живых, но тем не менее стал очередной жертвой Дэниела Пелла.

– Мне стоит сообщить Овербаю о Юте? – спросил Ти-Джей. – Он сразу всюду растрезвонит.

Кэтрин не успела ответить, так как ей позвонили.

– Подожди, – попросила она Ти-Джея. И ответила на звонок.

Звонил компьютерщик из «Капитолы». Взволнованным голосом он сказал, что удалось установить сайт, на который выходил Пелл. Сайт имел отношение к поиску по ключевой фразе «Helter Skelter».

– Все очень хитро продумано, – продолжал молодой человек. – Вряд ли его на самом деле интересовала эта фраза. Он воспользовался ею, чтобы найти сайт, в котором пользователи Интернета помещают сообщения о преступлениях и убийствах. Он называется «Человекоубийство». На нем множество разных категорий в зависимости от типа преступления. Одна из них именуется «Эффект Банди» и посвящена серийным убийцам. В честь Теда Банди. «Helter Skelter» – раздел, посвященный культовым убийствам. Там я нашел сообщение, которое было оставлено в субботу. Думаю, оно предназначалось для Пелла.

– Значит, он не стал вводить название сайта напрямую, потому что знал, что мы можем отыскать его ссылки, – заключила Дэнс.

– Да, вместо этого он воспользовался поисковой системой.

– Что ж, весьма предусмотрительно. А вы можете найти того, кто оставил сообщение?

– Сообщение анонимное. Отыскать источник невозможно.

– И что в нем говорится?

Он прочел ей короткое сообщение всего в несколько строк. Оно, без всяких сомнений, было адресовано Пеллу. В нем сообщались важнейшие подробности подготовки к побегу. В конце было добавлено и кое-что еще. Выслушав завершение послания, Дэнс удивленно покачала головой. Оно было совершенно бессмысленно.

– Извините, не могли бы вы повторить это последнее?

Он повторил.

– Ладно, хорошо, – сказала Дэнс. – Большое спасибо. Вышлите мне, пожалуйста, копию.

– Если еще понадобится, звоните.

Закончив разговор, Дэнс несколько мгновений стояла молча, пытаясь понять все послание в целом. О’Нил заметил, что она чем-то озадачена, но решил не беспокоить вопросами.

После некоторых колебаний Дэнс приняла решение. Она позвонила Чарльзу Овербаю и сообщила ему о стоянке у мотеля в Юте. Босс обрадовался, так как теперь у него появилось нечто конкретное для прессы.

Затем, вспомнив о разговоре с Эдди Чангом о своем воображаемом свидании с Пеллом, она позвонила Рею Карранео и послала его с другим поручением. Молодой полицейский неуверенно произнес:

– Да, конечно, агент Дэнс. Я предполагаю...

Она его не винила, задание было действительно, мягко говоря, крайне необычным. Как бы то ни было, Кэтрин сказала:

– Поторопись.

Глава 14

- Мы закажем камбалу-ерша.
- Хорошо, – согласилась Дженни. – А что это такое?
- Такие маленькие рыбки. Похожие на кильку, но не соленые. Мы сделаем из них сэндвичи. Я буду два. Тебе тоже два?
- С меня хватит одного, любимый.
- Полей их уксусом. Уксус есть на столах.

Пелл с Дженни находились в Мосс-Лэндинге, к северу от Монтерея. Две одинаковые огромные трубы электростанции Дьюка взмывали в небо. За шоссе располагался небольшой кусок земли, по сути остров, до которого можно было добраться только по мосту. На этом клочке песчаной почвы находились различные компании по обслуживанию морских судов, доки и громоздкие массивные постройки, в одной из которых и сидели Пелл с Дженни – в «Морских деликатесах Джека». Названное заведение существует уже три четверти века. За его грязными, ободранными столами сживали Джон Стейнбек, Джозеф Кэмпбелл и Генри Миллер, а также самая знаменитая дама Монтерея – Флора Вудс. Они спорили, смеялись, пили до закрытия заведения, а иногда даже и намного дольше.

В настоящее время «Деликатесы» представляют собой коммерческую рыболовецкую компанию, оптовый и розничный рынок по торговле морепродуктами и похожий на мрачную пещеру ресторан. Атмосфера здесь уже значительно менее богемная и переменчивая, нежели в 1940-е и 1950-е годы, но в качестве компенсации за утраченный эстетский шик теперь ресторан представлен на кулинарном канале.

Пелл помнил его с тех времен, когда они жили здесь неподалеку в Сисайде. Его «семья» редко ходила по ресторанам, но время от времени он посылал Джимми или Линду за сэндвичами из камбалы-ерша, жареной картошкой и овощным салатом. Ему очень нравилась здешняя еда, и он был искренне рад, что ресторан не закрылся.

У Пелла в этой местности были кое-какие дела, но, чтобы приступить к ним, ему нужно было немного подождать, подготовиться, добыть определенную информацию. Кроме того, его по-настоящему начал мучить голод, и Пелл подумал, что, вероятно, может рискнуть появиться на публике. Полиция вряд ли обратит внимание на счастливую семейную парочку туристов. В особенности здесь, так как в полиции уверены, что он сейчас на пути в Юту. Так, по крайней мере, заявил по радио надутый придурок по имени Чарльз Овербай.

В ресторане имелось патио с видом на рыбацкие катера и на залив, но Пелл предпочел остаться внутри и внимательно следить за дверью. Стараясь не поддаваться острому желанию поправить пистолет, спрятанный сзади за поясом, Пелл уселся за столик, Дженни села рядом, прижавшись к нему коленями.

Пелл медленно потягивал холодный чай. Он бросил взгляд на свою спутницу и заметил, что она не сводит глаз с вращающегося стеллажа с пирожными.

- Хочешь, мы закажем десерт после камбалы?
- Нет, любимый. Здешние пирожные мне не нравятся.
- Вот как?

И ему они не нравились. Пелл не любил сладкое. Но здесь на тарелках лежали настоящие большие куски торта. В «Капитоле» за один такой можно было выторговать целую пачку сигарет.

– Это всего лишь сахар, пшеничная мука и ароматизаторы. Кукурузный сироп и дешевый шоколад. Они красиво смотрятся, сладкие, но вкус у них такой неестественный.

- А ты на работе такие не делаешь?

– Нет, конечно, никогда. – Она говорила весело и оживленно, кивая в сторону карусели с пирожными. – Люди едят много такой ерунды, потому что она не приносит им ожидаемого удовольствия, и они хотят все больше и больше. А я готовлю шоколадные пирожные вообще без всякой муки. Только из шоколада, сахара, тертых орехов, ванилина и яичных желтков. А сверху поливаю небольшим количеством малиновой глазури. Всего несколько моих пирожных сделают тебя по-настоящему довольным и счастливым.

– Впечатляет. – На самом деле слова Дженни вызвали у него отвращение. Но она говорила о себе, а стремление людей рассказать о себе следует всегда поощрять, эту истину Пелл знал прекрасно. Напои их, и пусть болтают. Информация – гораздо более эффективное оружие, чем нож. – Такова, значит, твоя основная работа? В пекарне?

– Ну, я действительно больше всего люблю печь, потому что тогда у меня все под контролем. Я все делаю сама. В приготовлении всей остальной еды, как правило, участвуют и другие люди.

Значит, контроль... Он задумался. Интересно. Пелл решил запомнить эту ее особенность.

– Иногда я работаю официанткой. Работая официанткой, часто получаешь чаевые.

– Могу поспорить, что чаевые тебе дают неплохие.

– Время от времени да. Но раз на раз не приходится.

– И тебе нравится их получать?.. Чему ты смеешься?

– Просто так... Даже не припомню, когда в последний раз кто-нибудь – ну, я, конечно, имею в виду знакомого парня – спрашивал, нравится ли мне моя работа... В общем, нравится. Обслуживание других людей всегда доставляет мне удовольствие. А иногда я внушаю себе, что не просто обслуживаю их, а участвую в вечеринке с друзьями и семьей.

За окном голодная чайка парила над сваями, затем неуклюже опустилась на землю и стала выискивать остатки еды. Пелл уже успел забыть, какими большими бывают чайки.

– Примерно так я думаю, когда пеку торт, скажем свадебный, – продолжала Дженни. – Иногда я просто думаю, что это то маленькое счастье, на которое мы все можем рассчитывать. Ты печешь самый лучший свой торт, и люди от него приходят в восторг. Ну конечно, совсем ненадолго. Они быстро о нем забывают. Но ведь и обо всем остальном на свете тоже быстро забывают.

Очень точно подмечено.

– Не буду есть ничьи торты, кроме твоих.

Дженни рассмеялась:

– Конечно будешь, милый, не зарекайся. Но я все равно благодарна тебе за такое обещание. Спасибо.

В этих словах она предстала перед ним в новой ипостаси – вполне взрослой женщины. А значит, и вполне способной контролировать ситуацию. Пелл насторожился. Ему совсем не понравился новый образ Дженни. И потому он сменил тему:

– Ну что ж, надеюсь, ты не будешь разочарована бутербродами с камбалой? Я их просто обожаю. Хочешь еще холодного чая?

– Нет, спасибо. Просто пододвинься ко мне поближе. Вот и все, что мне надо.

– Давай посмотрим на карту.

Дженни открыла сумочку и достала карту, раскрыла ее, и Пелл стал внимательно ее изучать. Он отметил для себя, как изменился за последние восемь лет облик полуострова. На мгновение Пелл оторвал глаза от карты, ощутив внутри присутствие какого-то нового чувства. Он не мог определить его. И только понимал, что оно доставляет ему огромное удовольствие.

И тут до него дошло: это было ощущение свободы.

Годы его заключения, восемь лет полного подчинения окончены, и теперь он сможет начать жизнь снова. Завершив дела здесь, он уедет отсюда навсегда и создаст новую «семью».

Пелл оглядел других посетителей ресторана, обратив особое внимание на некоторых из них: на девочку-подростка, сидевшую на расстоянии двух столиков от него; ее молчаливых родителей, склонившихся над тарелками, словно любая беседа для них была пыткой. Если бы он встретился с девчонкой, правда немного полноватой, наедине где-нибудь в кафе или в зале игровых автоматов, ему ничего не стоило бы соблазнить ее и увлечь за собой из родительского дома. Самое большее два дня ему потребовалось бы на то, чтобы убедить ее, что не будет ничего страшного, если она ненадолго заглянет к нему в фургон.

У прилавка стоял паренек лет двадцати (ему не продали пива, так как он «забыл» документ, удостоверяющий возраст). Парень был весь в татуировках, очень глупых, и, наверное, уже жалел о том, что от них нельзя избавиться. Одежда на нем была потрепанная, что наряду с тарелкой супа, которую он заказал, свидетельствовало о несомненной бедности. Парнишка рыскал взглядом по ресторанному залу, останавливаясь на всех женщинах старше шестнадцати. Пелл прекрасно знал, что необходимо, чтобы привлечь и этого паренька.

Пелл обратил внимание и на молодую мать, явно незамужнюю, если он правильно истолковал отсутствие у нее на пальце обручального кольца. Она сгорбилась, печально опустив плечи, – ну, естественно, проблемы с мужчинами – и совсем забыла о существовании ребенка, сидевшего в коляске рядом с ней. Она ни разу на него даже не взглянула. А если он, не дай бог, расплачется, она мгновенно выйдет из себя. За поникшей позой и озлобленными глазами скрывалась целая история, но Пелла она не интересовала. Важным для него было только то, что связь ее с ребенком очень хрупка. Пелл понимал, что, если заманить такую женщину в «семью», не потребуется больших усилий, чтобы разлучить ее с ребенком, и отцом ему станет Пелл.

Он вспомнил одну историю, которую как-то читала ему тетя Барбара, когда Пелл гостил у нее в Бейкерсфилде. О Гаммельнском Крысолове, человеке, который увел за собой всех детей из средневекового немецкого городка, когда его жители отказались платить ему за избавление города от нашествия крыс. История произвела на Пелла громадное впечатление, и он часто ее вспоминал. Став взрослым, он попытался побольше разузнать о Гаммельнском Крысолове. То, что произошло на самом деле, конечно же, сильно отличалось от того, что говорилось в народных балладах и у братьев Гримм. Скорее всего, не было ни крыс, ни неоплаченных счетов. Несколько детей просто исчезли из Гаммельна, и их так никогда и не нашли. Их исчезновение навеки осталось загадкой, так же как и странно безразличное отношение к этому их родителей.

Одно из объяснений состояло в том, что детей, заразившихся чумой, которая и вызвала напоминавшие танец спазмы, вывели из города взрослые, боявшиеся подцепить болезнь, и тем самым обрекли их на смерть. Вторая версия сводилась к тому, что Гаммельнский Крысолов вместе с детьми отправился в паломничество на Святую землю. По дороге дети либо погибли из-за каких-то естественных причин, либо были убиты.

Но существовала и третья теория, которая больше всех нравилась Пеллу. Она заключалась в том, что дети оставили родителей по собственной воле и последовали за Крысоловом в Восточную Европу, каковая тогда, как и во все времена, была относительно малонаселенна. Там они основали собственные поселения и признали Крысолова абсолютным повелителем. Пелл приходил в восторг от мысли, что кто-то был наделен способностью увлечь за собой десятки – некоторые считают, что больше сотни, – детей, заставить их бросить семьи и стать для них новым отцом. Какими же талантами был наделен от природы Гаммельнский Крысолов и какие развил в себе?

Пелла отвлекла от размышлений подошедшая официантка. Его взгляд скользнул по ее груди и опустился на принесенную еду.

– Выглядит восхитительно, милый! – воскликнула Дженни, взглянув на свою тарелку.

Пелл протянул ей бутылку:

– Солодовый уксус. Полей им бутерброды. Совсем немного.

– Хорошо.

Пелл еще раз оглядел ресторан: насупленную девицу, нервного парня, отрешенную молодую мать... Конечно, этих он преследовать не станет. Глядя на них, он просто ощутил восторг от понимания того, какие неисчерпаемые возможности предоставляет ему жизнь. Как только все устроится, примерно через месяц, он снова начнет охоту: по игровым залам, по кафе-морозным, по паркам, школьным дворам и кампусам, по Макдоналдсам.

Калифорнийский Крысолов...

Теперь Пелл мог обратить свое внимание на бутерброды. И без лишних слов приступил к еде.

Машины мчались на север по шоссе № 1.

Майкл О'Нил сидел за рулем своего «форда» из Управления шерифа. Дэнс была рядом. Ти-Джей на «тауресе» КБР следовал прямо за ними. Замыкали цепочку две патрульные машины из Монтерея. Управление полиции Калифорнии выслало несколько машин им на подмогу, а ближайший город Уотсонвилл послал на юг им навстречу еще одну машину.

Скорость машины О'Нила приближалась к восьмидесяти милям в час. Они бы могли ехать и быстрее, но дорога была запружена автомобилями. На некоторых участках дороги свободными оставались только две полосы. Решили пользоваться световой сигнализацией, сирены не включали.

В данный момент они направлялись к тому месту, где, по их мнению, спокойно пообедали Дэниел Пелл и его светловолосая сообщница.

Кэтрин Дэнс с самого начала усомнилась в действительном намерении беглецов отправиться в Юту. Интуиция подсказывала ей, что, как и Мексика, Юта была ложной нитью. Кэтрин укрепилась в своем убеждении после того, как узнала, что Ребекка с Линдой никогда не слышали от Пелла ничего о Юте, и после того, как был обнаружен мобильный телефон Пелла, явно намеренно подброшенный в урну рядом с машиной водителя «Уорлдуайд экспресс». И самое главное, Кэтрин поняла, что он оставил водителя в живых, чтобы тот сообщил полиции о телефоне и о звонках Пелла. Сексуальная игра, которую Пелл затеял с Билли, была просто предлогом, чтобы оставить его в живых, – Кэтрин сразу поняла, что, каким бы свихнувшимся ни был беглец, он не станет тратить время на подобные эротические развлечения.

Но затем компьютерщик из «Капитолы» прочел ей сообщение, оставленное сообщницей на сайте «Человекоубийство» в категории «Helter Skelter».

Пакет будет там около 9:20. Фургон «Уорлдуайд экспресс» прибудет в Сан-Бенито в 9:50. Оранжевая лента на сосне. Встретимся у бакалейной лавки, у которой условились.

Это была первая часть сообщения, окончательное подтверждение плана побега. Удивила же Дэнс заключительная его часть.

Комната готова, проверяю местность вокруг Монтерея, о которой ты просил.

Твоя любимая

Что, к всеобщему изумлению, свидетельствовало о том, что Пелл, скорее всего, где-то неподалеку.

Дэнс и О'Нил не могли понять причину такого его поведения. Это было откровенным безумием. Но если Пелл действительно не покинул пределы штата, Дэнс решила добиться того, чтобы он, почувствовав себя в полной безопасности, появился бы на людях. Поэтому она сделала то, на что при других обстоятельствах никогда бы не пошла. Она воспользовалась Чарльзом Овербаем. Дэнс прекрасно понимала, что, как только она расскажет о версии с Ютой, Овербай тут же сообщит представителям СМИ, что основной поиск беглеца теперь ведется

в восточном направлении. Подобное сообщение, как она полагала, даст Пеллу ощущение безопасности и подтолкнет его к появлению на публике.

Но где он может появиться?

Кэтрин надеялась, что ответ на этот вопрос она сможет получить в ходе разговора с Эдди Чангом, в каких-то намеках Пелла на его увлечения, вкусы и интересы в жизни. По словам Чанга, очень большое место в них занимал секс, что означало, что он мог направиться в массажные салоны, бордели или агентства по предоставлению эскорт-услуг, но таковых на полуострове было немного. Кроме того, с ним была спутница, которая, по всей вероятности, могла какое-то время удовлетворять его потребности в данной сфере.

– Что еще? – спросила она Чанга.

– О да, я вспомнил кое-что еще. Еда.

Дэниел Пелл, как оказалось, был большим любителем морепродуктов, особенно мелкой рыбешки, известной под названием «камбала-ерш». В разговорах с заключенными он упоминал несколько раз, что в районе Центрального побережья есть только четыре или пять ресторанов, в которых знают, как ее правильно готовить. А в этом отношении он был крайне придирчив. Дэнс записала названия ресторанов, которые вспомнил Чанг. Три из них закрылись за то время, пока Пелл сидел в тюрьме, но два – «Рыбацкая верфь» в Монтерее и еще один в Мосс-Лэндинге – были пока открыты.

Именно такое своеобразное задание и дала Кэтрин Рею Карранео. Позвонить в упомянутые два ресторана – да и в другие на Центральном побережье, предлагавшие такое же меню, – и дать им описание бежавшего преступника, которого, возможно, сопровождает молодая светловолосая женщина.

Конечно, шанс отыскать Пелла таким образом был не очень велик, и Дэнс больших надежд на это не возлагала. Но тут Карранео позвонил менеджер из «Деликатесов Джека», популярного ресторана в Мосс-Лэндинге. У них в данный момент сидела одна парочка, и ее поведение показалось ему подозрительным: они оставались внутри ресторана, притом что большинство посетителей предпочитали патио, и спутник юной дамы постоянно настороженно поглядывал на входную дверь. Упомянутый мужчина гладко выбрит, в черных очках и бейсболке, поэтому менеджер не мог с уверенностью утверждать, что к ним наведалься именно Пелл. У девушки волосы, кажется, светлые, но и на ней тоже бейсболка и черные очки. Однако возраст пары примерно соответствовал полученному описанию.

Дэнс позвонила менеджеру и попросила его узнать, на какой машине парочка прибыла к ним в ресторан. Стоянка, к счастью, не была переполнена, и один из помощников официантов вышел на улицу, а затем по-испански перечислил Дэнс номера всех машин на стоянке.

Быстрая проверка по базам данных показала, что «тандерберд» бирюзового цвета был угнан в пятницу, как ни странно, в Лос-Анджелесе, то есть довольно далеко от здешних мест.

Возможно, тревога была ложной. Тем не менее Дэнс решила проверить. Даже если им не удастся захватить Пелла, по крайней мере они поймут угонщика автомобиля. Она сообщила о своих намерениях О'Нилу и предупредила менеджера:

– Мы постараемся прибыть как можно скорее. До нашего приезда ничего не предпринимайте. Не обращайтесь на них особого внимания и ведите себя как обычно.

– Вести себя нормально, – отозвался менеджер дрожащим голосом. – Да, понятно.

Кэтрин Дэнс предвкушала новый допрос Пелла сразу после его поимки. Первый вопрос, который она ему задаст, будет: «Почему вы не постарались сбежать как можно дальше от места заключения?»

После Сэнд-Сити, коммерческого участка шоссе № 1, движение стало значительно менее напряженным, и О'Нил изо всех сил нажал на газ. До ресторана оставалось десять минут езды.

Глава 15

– Признайся, это ведь самое вкусное из того, что ты когда-либо пробовала.

– О милый, ну конечно, она очень вкусная, твоя ершистая камбала.

– Камбала-ерш, – поправил ее Пелл.

Он подумывал о том, чтобы съесть третий бутерброд.

– Значит, вот так оно и закончилось с моим бывшим, – продолжала свой рассказ Дженни. – Я больше никогда его не видела и не имела от него никаких известий. Слава богу.

Она говорила о своем муже, бухгалтере, бизнесмене и бесхарактерном ничтожестве, из-за которого, хотя в это, конечно, трудно поверить, она дважды попадала в больницу с повреждением внутренних органов и один раз с переломом руки. Муж дико орал на нее, когда Дженни забывала погладить простыни, орал за то, что, несмотря на все старания, не сумела забеременеть через месяц после свадьбы, орал за то, что проиграла его любимая команда. Он говорил, что у нее сиськи, как у мальчишки, и потому у него не встает. А в присутствии друзей заявлял, что с ней, наверное, можно было бы жить, если бы она переделала себе нос.

«Действительно ничтожество», – подумал Пелл. Он презирал людей, которыми полностью владели эмоции и которые были не способны держать себя под контролем.

Затем наступил черед следующих серий этой мыльной оперы: ее дружки после развода. Создавалось впечатление, что они все чем-то напоминали его: все были «плохими парнями». Но в облегченном варианте, конечно. Один был мелким спекулянтom и вором, жившим в Лагуне между Лос-Анджелесом и Сан-Диего. Он проворачивал разные незначительные аферы. Второй торговал наркотиками. Третий был байкером. А четвертый просто дерьмом.

Пелл умел, когда нужно, превращаться в психоаналитика. Большая часть подобных «сеансов», в одном из которых он в данный момент участвовал с Дженни, была совершенно бесполезна, но порой возникали те неожиданные прозрения, которые Пелл запоминал (не для сохранения собственного психического здоровья, конечно, в этом он не нуждался, а чтобы со временем воспользоваться ими с целью получения власти над людьми).

Итак, почему Дженни так нравились «плохие парни»? Теперь Пеллу все стало ясно. Они напоминали ей мать. Она бросалась им на шею, бессознательно всякий раз надеясь, что они изменятся и, вместо того чтобы воспользоваться ею, а затем выбросить как ненужную вещь, когда-нибудь по-настоящему ее полюбят.

Для Пелла в подобных выводах содержалась, конечно, полезная информация. Однако он мог бы сказать ей: дорогая, не суетись понапрасну, мы ведь не меняемся. Никогда, никогда не меняемся. Заруби это на своем таком некрасивом носу.

Конечно, свои мудрые слова Пелл предпочел оставить при себе.

Он закончил еду.

– Любимый.

– Угу?

– Мне можно задать тебе вопрос?

– Конечно, дорогая.

– Ты ведь никогда ничего не рассказывал о тех девушках, с которыми жил. Когда тебя арестовали. Про «семью».

– Да, наверное, не рассказывал.

– Ты с ними поддерживал какую-нибудь связь все эти годы? Как их звали?

– Саманта, Ребекка и Линда, – проскандировал Пелл. – И Джимми. Тот, который попытался меня убить.

Быстрый взгляд в его сторону.

– Ты не хочешь, чтобы я расспрашивала тебя о них?

– Нет, почему же. Ты можешь задавать мне любые вопросы.

Никогда нельзя никому запрещать беседовать с тобой на какую-то определенную тему. Продолжай улыбаться и впитывай каждый бит информации, который тебе выдают. Даже если это порой причиняет боль.

– Они тебя предали, те женщины?

– Не совсем. Они ведь не знали, что мы, я и Джимми, идем к Кройтонам. Но они и не поддержали меня после ареста. Линда сожгла кое-какие улики и солгала в полиции. Однако даже она в конце концов сломалась и стала помогать им. – Мрачный смешок. – А ведь ты только подумай, чем они мне обязаны. Они нашли у меня настоящий домашний очаг. Их родителям было совершенно наплевать на них. А я дал им семью.

– Ты расстроился? Я не хотела тебя огорчать.

– Вовсе нет. – Пелл улыбнулся. – Все в порядке, любимая.

– Ты часто о них вспоминаешь?

Ах вот оно что. Пелл всю жизнь учился читать подтекст человеческих слов. И сейчас он понял, что вопрос Дженни подсказан элементарной ревностью.

Пошлое чувство, его так легко подавить в себе, и тем не менее оно правит миром.

– Нет. Я много лет о них ничего не слышал. Какое-то время я пытался им писать. Ответила только Линда. Но потом ее адвокат посчитал, что эта переписка может дурно повлиять на ее репутацию, а ведь на ней тогда висел условный срок. Должен признаться, мне было очень обидно.

– Я тебя понимаю, любимый.

– Для меня они все равно что умерли, даже если все вышли замуж и живут счастливо. Поначалу я очень разозлился на них, но потом понял, что с ними я совершил ошибку. Я выбрал не тех. Они были совсем не такие, как ты. Ты мнеходишь. А они – нет.

Она поднесла его руку к губам и поцеловала одну за другой костяшки всех его пальцев.

Пелл вновь обратился к карте. Он вообще очень любил карты. Если вы заблудились, то сразу делаетесь беспомощным, теряете контроль. Он вспомнил, какую роль сыграли карты – а точнее, их отсутствие – в истории того района Калифорнии, где они в данный момент находились, залива Монтерей. Когда-то много лет назад, когда еще существовала его «семья», они все сидели кружком за столом после обеда, а Линда читала им вслух. Пелл часто приобретал книги местных авторов и книги по истории Калифорнии. И очень хорошо помнил одну из них – историю Монтерея. Залив был открыт испанцами в начале XVII столетия. *Bahia de Monte Rey*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.